

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АННА БАТЛУК

НЕВЕСТА
ПО СЛУЖБЕ

Любовь внеземная (АСТ)

Анна Батлук

Невеста по службе

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Батлук А. В.

Невеста по службе / А. В. Батлук — «Издательство АСТ»,
2022 — (Любовь внеземная (АСТ))

ISBN 978-5-17-147376-1

Наследника Ригарийского престола хотят убить, и старшего сержанта Службы имперской безопасности Рэйю Адальстан просят выяснить, кем являются заговорщики. Но как подобраться близко к принцу и не выдать себя? Естественно, лучший способ – стать его невестой. Но сделать это можно только приняв участие в Отборе невест. Преступники, состязание и единственная в жизни любовь изменят и Рэйю и ее судьбу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147376-1

© Батлук А. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Батлук

Невеста по службе

© А. Батлук, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

От оглушающего звона будильника я подскочила и больно ударилась головой о полку. Давно следовало ее снять, но вот руки никак не доходили. Чертыхаясь и потирая макушку, вышла в коридор и, пересчитывая всеми частями тела по очереди имеющиеся в доме углы, направилась в ванную. Из соседней спальни тут же выглянул мой сосед.

– Рэйя! Твой будильник опять меня разбудил!

– Заведи себе отдельную квартиру, – посоветовала я и скрылась за дверью.

Утром я всегда ненавижу весь мир, поэтому ворчание скорее дань привычке, нежели настоящее желание избавиться от соседа. С Ключгером мы познакомились пять лет назад, столкнувшись в дверях очередной риелторской конторы. Причина нашего знакомства и совместного проживания объяснялась невозможностью снять квартиру в одиночку. Благообразная девица с длинными косами и в темном платьице (смею заметить, единственная моя одежда в то время) приходилась по вкусу большинству арендодателей, но денег мне это никак не прибавляло, а платить натурой я тем более отказывалась наотрез. С Ключгером же выходила обратная ситуация, и имеется в виду не торговля телом. Деньги у него водились, вот только пришельцы с других планет в нашей империи в принципе не пользовались доверием, так еще и двухметровый крокодил с каменной кожей откровенно пугал и ставил под вопрос возможность сохранения сдаваемого имущества. Вот так мы и пригодились друг другу – договор подписывала я, а арендную плату вносил он.

За пять лет многое изменилось. Например, я обрезала косы, обзавелась внушительным гардеробом и стабильной заработной платой. К тому же жители нашего района к грозному на вид пришельцу с планеты ЛошТан-Ага уже попривыкли, так что ничего не мешало нам разъехаться. Но новую квартиру ни он, ни я не искали. У меня банально отсутствовало время на поиски, а Ключгеру явно было лень. Поэтому нам оставалось жить вместе, беззлобно переругиваясь по утрам.

Из ванной я вышла, закутавшись в полотенце и смотря на мир позитивнее. В целом начала склоняться к мысли, что есть в нем что-то положительное. Например, запах кофе. Ключгер с довольным выражением лица (которое я не могла понять, помня, что сейчас пять часов утра) крутился возле плиты, сооружая безразмерный бутерброд и попутно следя за варящимся в турке кофе.

– Я чего-то не знаю? – уточнила я, присаживаясь на стул в углу. Кухня у нас была маленькая: плита на две конфорки, три узких шкафчика, небольшой стол и два стула прижимались к стене и оставляли лишь небольшой проход, как правило, всецело занимаемый Ключгером. Иногда я благодарила Вселенную за то, что у него в отличие от обычных крокодилов отсутствует хвост, иначе нам бы пришлось выставить в коридор не только холодильник, но и большую часть и так немногочисленной мебели. Пожалуй, тогда бы в кухне возможно было оставить только стул.

– Еще бы, тебя же постоянно нет дома... О нет, он все-таки убежал! – Ключгер с досадой перелил горячий напиток в чашку и поставил передо мной. – Сегодня я иду на собеседование.

– Я уже в предвкушении, – хмыкнула я.

Правительство на протяжении пяти лет безуспешно пытается пристроить Ключгера на работу как инопланетного пришельца. Из миграционной службы ему раз в неделю стабильно звонят с вопросами о трудоустройстве и угрозами депортации из империи. И вот для того, чтобы успокоить настырных тетенок с противными голосами и букетом неврозоз (эй, это мнение Ключгера, сама я этих тетенок ни разу не встречала), он регулярно договаривается с фирмами о собеседовании, благополучно их проваливает и продолжает бездельничать дальше,

зарабатывая на каких-то сайтах. Надеюсь, что сайты эти незапрещенные, иначе хорошим же правоохранителем я предстану перед своим начальством в случае, если все выяснится.

Но одними разговорами Ключер не ограничивается. Особый трепет у него вызывает написание жалоб на дискриминацию инопланетных существ, которые он направляет в ту же самую миграционную службу, таким специфическим образом мстя тетенькам за собственное беспокойство и выбивая себе внушительные компенсации.

– Ты не представляешь, в каком предвкушении я, – признался Ключер и, устраиваясь напротив меня за столом, одним движением забросил необъятный бутерброд в рот. Прожевав, сосед продолжил: – В этот раз я предстану перед ними отчаявшимся беженцем, до смерти желающим получить эту должность. И твой будильник пришелся как раз кстати – в шесть часов утра я от нетерпения выломаю им входную дверь.

– Не перестарайся. – Я расхохоталась, представив лица охраны, когда Ключер, скромно улыбаясь во всю свою крокодилью пасть, содержащую около семидесяти зубов, вломится в их офис. – Надеюсь, меня не вызовут на твое задержание.

– Думаю, после такого демарша миграционка от меня надолго отстанет. – Ключер перегнулся через стол, выхватил у меня чашку с остатками кофе и быстро опустошил ее. – Надо делиться.

– По-моему, ты и так слишком уж бодрый.

– Для моей сегодняшней роли бодрость должна прямо-таки зашкаливать. – Сосед вдруг посерьезнел. – Не понимаю, как ты можешь вставать так рано каждый день? Ты должна сказать своему начальству, что это ущемляет права! Твой график – это же форменное издевательство! Вот поэтому я и не желаю работать официально – из-за невозможности приходить на работу хотя бы к десяти часам.

– Чьи?

– Что чьи?

– Я спрашиваю: чьи права ущемляются?

– Да, черт возьми, например, мои!

– Только если так. – Я встала со стула и протиснулась мимо Ключера, занимающего до ужаса много места. – Советую обратиться в Межгалактический суд по защите прав существ с иных планет. По-моему, это как раз в их компетенции.

– Думаешь, подействует? – Как ни странно, к моему предложению сосед отнесся вполне серьезно.

Стараясь не смеяться, я утвердительно покачала головой:

– Смотри не опоздай на собеседование.

Когда я, уже облачившись в черную форму Службы имперской безопасности, заглянула в кухню, Ключер, высунув от усердия язык, вычерчивал что-то на криво оторванном листе бумаги. Черновики своих жалоб сосед писал исключительно от руки и затем подшивал в отдельную папочку.

На планете Фрибрин, главной планете Ригарийской империи, занималось весеннее утро. Серое, неприятное, но уже пахнущее той самой настоящей весной, которая будоражит молодые сердца, заставляя совершать необдуманные поступки. Той самой весной, пробуждающей в пришельцах из Идельской галактики первобытные инстинкты и превращающей их в жестоких насильников и убийц. Той самой, которая напоминает о детстве и заставляет мыслями возвращаться к путешествиям по лужам и стрельбе из деревяшек.

Радостные воспоминания из детства у меня отсутствовали, а со своими инстинктами удавалось справляться без особых проблем, поэтому, с грустью подумав о том, что работы теперь прибавится, я поплелась к мотоциклу.

Пришельцы из Идельской галактики были головной болью для всех ригарийцев, а не только для правоохранителей. Высокие, мускулистые, покрытые жесткой щетиной, весной они

вели себя как настоящие звери, исполняя только свои низменные желания: жрать, убивать и драться. На их планетах такое поведение было нормой – акт размножения происходил именно в это время года, но жертв обычно мало успокаивал тот факт, что их избрали в качестве инкубатора.

Я подошла к железному другу и удовлетворенно хмыкнула: вокруг была разбрызгана краска, а это значит, малолетние умельцы, покатавшиеся уже не на одном автомобиле нашего района, наконец-то потерпели фиаско. А если учесть, что по совету нашего технолога-разработчика в краску был добавлен сок фижевого цветка, действующего как сыворотка правды, то, чувствуя, вредные подростки не скоро еще смогут развлечься подобным образом, ведь и на мотоциклы, и на сиденье автомобиля нужно садиться, а горящие от порки задницы этого не позволяют.

Если бы у меня имелось больше свободного времени, можно было бы вычислить угонщиков и, взяв с собой Клюгера, сделать небольшое внушение. Но чего нет, того нет, придется уповать на гражданскую ответственность матерей.

В такую рань машин на дорогах почти не было, да и те, которые все-таки встречались, управлялись автопомощником, позволяя своим хозяевам счастливо досыпать жизненно необходимые минуты. На мотоцикл такого помощника установить было нельзя, но владельцам автомобилей я нисколько не завидовала – ничто не радовало меня так, как ощущение под ногами ревушего, не до конца подчиняющегося мне металла. Меня никогда не прельщала роль пассажира, а управляя мотоциклом и вовсе искусственный интеллект, я бы, наверное, перешла на ролики.

Стоянка перед отделением СИБ¹ была наполовину занята – в основном автомобилях принадлежали сотрудникам, еще не ушедшим с ночной смены. Я припарковалась и, сняв шлем, взглянула на часы. До начала рабочего дня оставалось пять минут, и опоздавшим вряд ли бы кто-то позавидовал. Ровно в шесть часов утра, и ни минутой позже, на свой пост у двери заступала Тритри Гайдина – тучная дама неопределенного возраста с тугими колечками кудряшек и пронзительным голосом. У нее были вечно покрасневшие глаза, подозреваю, от бессонницы, вызванной тяжелыми думами, как бы кого подставить, и покрытые сыпью щеки из-за круглогодичного злоупотребления клубникой.

Гайдину не любили. Не одному и даже не пятерым сотрудникам нашего отделения попортили жизнь ее писульки, облаченные в форму докладной записки, на столе капитана.

Я проскользнула мимо злобной вахтерши, с надеждой выглядывавшей из-за своего стола, и с намеком постучала по часам, демонстрируя, что не опоздала. Гайдина вздернула нос и недовольно отвернулась.

– Рэя, – окликнул меня стажер. Работал он у нас два дня, и имя его я еще не запомнила. Вполне возможно, что через неделю, после очередной облавы на гренадов, он с воплями покинет наш отдел и никогда больше не вернется, а если так, то засорять свою память бесполезными именами не стоит. – Тебя вызывал капитан. И еще, – невысокий паренек с тонким носом и едва пробивающимися под ним усиками приблизился и доверительно сообщил: – У него кто-то из начальства.

Я лихорадочно соображала, где успела проштрафиться. Капитан Оррах, имевший в своем роду пришельцев с Ангарры, был крупным мужчиной с ярко-зелеными глазами, с сердцевидным, как у лягушки, зрачком, жабрами и чешуей на висках и шее. Громовой голос и привычка в разговоре сжимать и разжимать тяжелые кулаки отлично дополняли зловещую картину, и с непривычки капитана можно было серьезно испугаться. По правде сказать, именно поэтому большая часть стажеров отсеивалась уже на этапе собеседования.

¹ Служба имперской безопасности.

Без особой нужды Оррах в своем кабинете никого не желал видеть, это и немудрено – в огороженной от общего зала комнате и без гостей было мало места. Так что измыслить причину, по которой меня вызвали, я не могла.

– Кто-то из начальства? – Эта мысль заставила меня еще больше волноваться. – Как ты это понял?

– Я в состоянии рассмотреть нашивки на форме, – обиделся стажер. – Двое мужчин, один из них точно майор, второй – не уверен, но, похоже, подполковник.

– Спасибо. – Находясь в крайнем беспокойстве, я прикусила ноготь на безымянном пальце. Глупая детская привычка, каждый раз возвращающаяся, когда я не в состоянии справиться со своими эмоциями.

– Тебя хотят уволить? – Стажер подобрался ближе, а я удивленно взглянула на него. – Чем ты их заинтересовала?

– А чем я могла их заинтересовать?

– Преступлением, – тут же отозвался стажер и кровожадно добавил: – Своим.

Я шагнула было к кабинету Орраха, но почему-то остановилась, вцепившись за возможность отсрочить неизбежное.

– Думаю, тогда бы за мной явились не майор под ручку с подполковником, а конвой.

– Смотря какое преступление. – Мысленно я поклялась никогда не выяснять имя этого стажера. По части сплетен паренек явно переплюнет вахтершу, а такие люди мне никогда не были интересны. – Терроризм, государственный переворот, шпионаж... А конвой может и за дверь подождать.

– Ты чересчур возбужден, – ядовито заметила я. – Смотри, подумают, что ты мой сообщник, и учти, я этого отрицать не буду.

Стажер так и замер с открытым ртом, как видно, огорошенный возможным обвинением в соучастии. Выбросив его из головы, я немного помялась перед дверью с криво висящей табличкой и, набрав в грудь побольше воздуха, постучала.

– Заходи, – рявкнул Оррах, и уже по одной его интонации я поняла, что дело плохо.

В маленьком кабинете, пропахшем сигарами и терпкими мужскими духами, царила мрачная атмосфера. За хлипким столом, не раз уже рушившимся от ударов тяжелых ручищ, сидел капитан, а напротив него, стоя, потому как единственный стул в комнате предназначался для зада горячо любимого мною шефа, застыли двое мужчин. Я с испугом скользнула по ним взглядом и поняла: стажер не ошибся, нашивки на черной форме и впрямь принадлежали майору и подполковнику. Я даже не могла заподозрить, зачем понадобилась высокопоставленному начальству, и потому затосковала. Осторожно взглянув на Орраха, поняла, что капитан слишком занят изобретением нового способа убийства – расчленением одним только взглядом, и благо, что подопытным кроликом оказалась не я.

– Добрый день. – Мое приветствие осталось без ответа – незнакомые мужчины с каким-то подозрительным воодушевлением меня рассматривали.

– Познакомьтесь. – Уперевшись ладонями в стол, Оррах привстал, отчего в кабинете будто стало еще меньше места. – Старший сержант Рэйя Адальстан. Рэйя, это...

– Благодарю. – Высокий мужчина с тонкими чертами лица, густой шевелюрой, уже посебренной сединой, и с нашивками майора шагнул вперед. – Рэйя, мое имя Роил, моего спутника зовут Ингирих, и нам необходимо с тобой пообщаться.

Я удивленно уставилась на нашивки. Либо мужчины считают, что я не в состоянии понять, насколько они выше меня по званию, либо они настолько демократичны, что привыкли к простому обращению. Скорее, первое. Что ж, с предвзятым отношением к женщинам, работающим в СИБ, я сталкивалась каждый день, поэтому просто натянуто улыбнулась.

– Оррах, – обратился к шефу с явно выраженным превосходством в голосе подполковник по имени Ингирих, – можешь нас ненадолго оставить?

Капитану это не понравилось. Он с минуту, не моргая, смотрел на подполковника и, нисколько не тушуясь того, что ниже по званию, пророкотал:

– Это мой кабинет. И мой сержант.

От злости жаберные крышки на шее Орраха приподнимались в такт дыханию, а чешуйки топорщились, будто перья. На меня это впечатления уже не производило, зато мужчины наблюдали за этим с легкой брезгливостью и недоумением.

– Сержанту Адальстан ничего не грозит, – поспешил заверить Роил, нисколько не успокоив ни меня, ни тем более капитана. – У нас нет к ней претензий.

– Еще бы. – Оррах криво усмехнулся. – Будь они у вас, вы бы прислали кого-нибудь попроще, а не зависали в моем кабинете. И к тому же все вопросы точно решали бы через меня. Нет, судя по вашему доброжелательному тону, вы намерены моего сержанта во что-то втянуть. Мне это не нравится, я против!

– Капитан! – Ингирих надменно вздернул верхнюю губу. – Не забываетесь. Мне самому не нравится лицезреть вашу малоприятную физиономию, но долг требует. Выйдите вон из кабинета или уже завтра подадите мне рапорт на стол.

Мгновение я была уверена, что Оррах его ударит. Даже если миловидный подполковник среднего возраста и владеет какой-нибудь техникой боя (в чем я лично очень сомневаюсь), увесистый кулак капитана явно лишил бы его надежды не только на победу, но и на ясность сознания. Но, как оказалось, в планы моего шефа драка не входила. Во всяком случае, пока. Капитан вышел из-за стола, заставляя нас прижаться к стене, чтобы освободить ему дорогу.

– Я уйду, вы правы – забываться не стоит. Но учтите. – Громадным, размером с добротную сардельку, пальцем Оррах помахал перед носом у Роила. Уверена, вздумай капитан нажать ему этим пальцем на нос, как на дверной звонок, выпуклостей на лице у майора стало бы гораздо меньше. – Если с моим сотрудником что-то случится, вы пожалеете.

– Ну, разумеется. – Мужчины почти синхронно насмешливо закатили глаза.

Оррах покинул кабинет, громко хлопнув дверью. Было слышно, как загрохотала, упав на плитку, табличка и как капитан выругался. Неизвестно, в адрес кого направлены были ругательства – цветистые эпитеты, применяемые Оррахом, можно было отнести как к высокопоставленным гостям, так и к злополучной табличке.

Роил обогнул стол и, одной рукой подняв тяжелый железный стул (деревянные капитана не выдерживали), поставил его передо мной:

– Присаживайтесь.

Видимо, от нервов мое правое колено странно дрожало. Даже при задержании преступников я так не волновалась, а от дружелюбного тона майора меня даже затошнило.

– Благодарю, – как можно безмятежнее ответила я. – Не стоило беспокоиться, я постою.

– Как знаете. – Роил отодвинул стул к стене. Железные ножки с противным скрежетом процарапали пол.

Ингирих приоткрыл тоненькую папочку, которую держал в руках, и абсолютно серьезно мне сказал:

– Итак, старший сержант Рэйя Адальстан, приступим.

Я перенесла вес с дрожащей ноги на пока еще неподвижную и кивнула. Папочка в руках подполковника очень смущала, надеюсь, бумажки в ней не написаны твердой рукой Гайдиной.

– Рэйя, что вы знаете об императорской семье?

Какое отношение имеет ко мне император и тем более его родственники? Я растерянно моргнула и пожала плечами:

– Честно сказать, мои познания на эту тему ограничены имперским гимном. Слова об императоре и его семье там точно есть.

– Прискорбно. – Мужчины переглянулись. – Тогда вы не будете возражать против небольшого экскурса в историю?

Я не возражала даже против речи продолжительностью в час, лишь бы майор не заговаривал об увольнении. Даже не знаю, почему я вбила себе в голову именно этот вариант развития событий, наверное, так на меня повлияли непонятная агрессия Орраха и подозрительная папка.

– Я думаю, вы помните, что семья Ригарин воцарилась на престоле сто пятьдесят пять лет назад, объединив под своей властью две соседние планеты – Фрибрин и Ваоль, а также их спутники – Вассу, Рабиоль и Этельстат. Второй император империи Вилмар скончался десять лет назад, и регентом при малолетнем принце Максимилиане стал его дядя Виктор. Вы что-нибудь знаете о порядке вступления на престол?

Естественно, я ничего об этом не знала, что, впрочем, Роила ничуть не удивило. Ингирих отмалчивался, внимательно изучая содержимое папки. Майор подмигнул мне и продолжил:

– Виктор остается регентом на ригарийском престоле до того момента, как Максимилиану исполнится двадцать пять лет (что произошло две недели назад) и пока он не женится.

– И насколько я знаю, принц еще не женился, – решила я вставить реплику.

– Именно так, – развеселился Роил. – Вот видите, кое-что о принце вам все-таки известно.

Не сказать, что меня интересовал холостяцкий статус наследника престола, но наш делопроизводитель Марисса уже довольно долгое время является его яркой поклонницей. Неудивительно, что весь отдел в курсе того, что принц неженат и, кроме того, любит полных женщин слегка за тридцать, желательно с пирсингом по всему телу и черными жесткими усиками над верхней губой. Иначе чем объяснить странную уверенность Мариссы в ее скором бурном романе с наследником.

– Кое-что, – скромно улыбнулась я. – Прошу вас, продолжайте.

– Жениться наследник может, только выбрав невесту в ходе специальной процедуры своеобразного кастинга девушек, который можно назвать отбором. Его учредил первый император, и хотя традицией два прошедших отбора пока назвать сложно, для Максимилиана никто не станет делать исключения. Итак, настала пора пояснить вам, для чего мы сюда явились. Признаться, этот вопрос вас очень интересует.

Я неопределенно мотнула головой и промолчала. Мое волнение уже достигло точки кипения: странное удушающее чувство мешало говорить и появилась настоящая потребность присесть.

– Мы просим вас поучаствовать в отборе, – оторвался наконец от своей папки Ингирих.

– Это шутка? – глупо засмеялась я, но осеклась, когда поняла, что мужчины абсолютно серьезны. – Но с какой стати? Я этого принца видела пару раз, и то по телевизору!

– Это неважно, – скривился Ингирих, недовольный моей вспышкой, но я уже не могла держать себя в руках.

– Не знаю, для кого это может быть неважным, может быть, для моральных уродов? Это, конечно, маловероятно, но что, если я смогу пройти в этот кастинг или же вообще выиграю в нем? Я не собираюсь становиться императрицей! Я старший сержант СИБ и собираюсь им оставаться... – Пришлось немного притормозить, задумавшись. – Нет, в будущем хотелось бы повышения, но не настолько!

– Мы гарантируем вам повышение, а также денежную компенсацию, – успел вставить реплику Роил. – Выслушайте нас!

Я присела на стул и помассировала виски:

– Слушаю.

– У нас есть подозрение, что на наследника готовится покушение. Кто, а главное, когда его осуществит, – неизвестно, но скорее всего в убийстве заинтересован кто-то из приближенных лиц.

– Кто-то, кому выгодно полноправное воцарение на престоле Виктора? Возможно, даже он сам? – уточнила я.

Ингирих недовольно посмотрел на меня и сквозь зубы сказал:

– Для того чтобы возвести это предположение в ранг утверждений, нам нужны доказательства. Но нашим сотрудникам закрыт вход во дворец.

– Ага, и вы хотите, чтобы я их отыскала? – у меня даже голос сел от возмущения. – Разве защита наследника не входит в обязанности личной императорской охраны? Обратитесь со своими данными к ним!

– Убийство наследника – это не просто смерть гражданина Ригарийской империи. Это преступление против безопасности государства! О какой компетенции личной охраны может идти речь?

– Ну тогда просто официально проведите расследование, пользуясь содействием императорской охраны. Зачем внедрять своего шпиона? Раз уж выясняется, что у вас есть повод посетить дворец, то почему бы им не воспользоваться?

Ингирих раздраженно закатил глаза:

– Рэйя, вам же было сказано, что в заговорщиках люди, приближенные к принцу. Почему бы среди них не быть начальнику охраны? Особенно если вспомнить, что за последние полгода штат сотрудников этого ведомства уменьшили вдвое. Пока мы будем вежливо допрашивать персонал, принца убьют.

– Я об этом не знала, поэтому вспомнить не могу, – огрызнулась я. – Хорошо, раз охрана отпадает, так, может быть, доказательствами лучше заняться тому, кто доложил вам о готовящемся покушении?

Мужчины переглянулись. Казалось, между ними происходит безмолвный диалог.

– Информатор погиб, – наконец признался Ингирих. – При странных обстоятельствах.

Я вдруг резко захотела домой.

– Мне кажется, я не справлюсь, – сглотнув, криво улыбнулась я. – Почему бы вам не обратиться к... да хотя бы к Мариссе? Вы только намекните ей, что этому Максимилиану опасность грозит, и будут вам и доказательства, и трупы преступников.

– Не переживайте, – постарался утешить меня Роил. – Мы поможем вам пройти этап собеседования. Во дворце, конечно, придется немного постараться, но девушке с вашей внешностью и знаниями не составит труда продержаться хотя бы пару этапов. Во всяком случае, пока не обнаружатся хотя бы минимальные доказательства.

– Знания? – удивленно моргнула я, а в груди заныло от неприятных предчувствий.

– Может быть, я не совсем правильно выразился. – Ингирих ухмыльнулся. – Вы отчего-то забыли указать некоторые подробности своего образования, но не учли того, что при приеме на работу в СИБ кандидаты очень тщательно проверяются, – подполковник опустил глаза в папочку. – Вы, сержант Адальстан, в совершенстве владеете языком ваольцев, играете на фортепиано, арфе и скрипке, долгое время серьезно занимались танцами, вокалом и брали уроки риторики. Вряд ли мы найдем кандидатуру, хотя бы в половину подходящую для отбора так, как вы.

– И на флейте, – вздохнув, с тоской в голосе добавила я.

– Что?

– Еще я играю на флейте.

В памяти моей мелькнуло нахмуренное лицо матери, ее сурово поджатые губы и плетъ в тонких пальцах. По ушам, резанув суровыми нотками, пронеслись ее слова: «Рэйя, флейта – это неинтеллигентно. Брось эту мерзость».

Я крепко зажмурилась и, громко напугав, по-моему, Ингириха, но, по сути, разговаривая не с ним и даже не с Роилом, а со своими воспоминаниями, опять повторила:

– Да! Я умею играть на флейте!

– Что ж, – Ингирих кашлянул в кулак, – тем более! Вы точно опередите всех кандидаток. И не сомневайтесь – в любой момент вы сможете выйти из отбора, разумеется, если выполните свою задачу.

– А если мне будет грозить опасность?

Мужчины потупили глаза, и это было красноречивее любых слов.

– Не беспокойтесь. – Роил наклонился и обнял меня за плечи. – Сыграйте роль глупой восторженной девчушки – вы, кажется, еще и на курсы театрального мастерства ходили? Для вас будут открыты любые двери дворца, вряд ли, конечно, при вас будут обсуждать преступные планы, но обо всех случайных встречах и странных разговорах немедленно докладывайте нам. Мы сможем сложить из маленьких кусочков полный по информации пазл, и вы будете свободны. Отпуск, некая денежная сумма и повышение вам гарантированы. Считайте это своим спецзаданием.

Я с сомнением покачала головой:

– Вряд ли вы сможете это спецзадание оформить документально, так что мой отказ ничего за собой не повлечет. Я права?

– Возможно. – Ингирих опять открыл папку, а я с трудом подавила стойкое желание выхватить ее и сжечь. – А возможно, соответствующая дисциплинарная комиссия обратит внимание на несоответствие вашего, так сказать, специфического образования занимаемой должности. Очень редко работники СИБ имеют специальность «Инструментальное исполнительство». Да что там! Вообще никогда! И к тому же той же дисциплинарной комиссии следует озаботиться вопросом, как капитан Оррах принял вас на работу и не повлиял ли он на результаты проверок профпригодности.

Ах ты ж жук! Оррах и впрямь не имел права принимать меня на работу без обучения в Высшей школе безопасности, и он действительно надавил на некоторых членов кадровой службы. Мы встретились с капитаном в самый сложный момент моей жизни – я как раз сбежала от родителей и для того, чтобы скрыться от их тотального контроля, нуждалась в смене профессии. Останься я музыкантом, и мама, будучи заслуженной артисткой Ригарийской империи, вновь протянула бы свою излюбленную плетель в мою жизнь. Я не знаю, почему Оррах помог мне тогда, по сути, помогает и сейчас, но подставить его не имела права. Пришлось сладко улыбнуться и, встав, протянуть руку для рукопожатия.

– Я и не собиралась отказываться от такого заманчивого предложения. Так, просто поинтересовалась о вариантах развития событий. Когда можно будет подать анкету?

Отпустили меня не сразу. Около часа снабжали бездной различных инструкций, принялись подсказывать, как мне стоит отвечать на собеседовании, отчего я заподозрила, что помогать мне проходить этот этап не собираются. Все это я перенесла со стоическим терпением. И когда, наконец подписав бумаги о неразглашении, покинула кабинет, обнаружила почти весь наш отдел в нетерпении стоящим у дверей. Оррах стоял в толпе, возвышаясь над мелкими на его фоне подчиненными, а впереди всех, подозреваю, из-за любопытства пропустившая всех опоздавших, крутилась Гайдина.

– Ну что? – свистящим шепотом произнесла она, озвучивая вопрос всех сотрудников. – Уволили?

– Нет. – Я гордо подбоченилась, судорожно придумывая, что сказать. – По распоряжению руководства теперь в нашем отделе будут... я буду проводить уроки музыкального искусства. Всем известно, что музыка успокаивает, а с нашей нервной работой...

Толпа недовольно загудела. Сотрудников СИБ часто заставляли ходить на семинары, посвященные экономному расходованию патронов (даже был составлен график стрельбы), проводили тренинги по ласковому задержанию насильников (подозреваю, придумал его латентный маньяк), читали лекции о хрупкости внутреннего мира космических преступников и о необходимости душевного участия при применении мер процессуального принуждения. В

общем, никого факт внедрения уроков музыки не удивил, но и, чего и следовало ожидать, не обрадовал. Гайдина во мне явно разочаровалась, окинула всех зорким взглядом и тыкнула в одного из сисадминов пальцем:

– По-моему, ты опоздал!

– Нет-нет, – оправдывался бледный и взъерошенный паренек. – Я пришел до шести, вы просто запамятовали.

Работники скоренько разбрелись, не успев выпытать у меня подробности. Тех, кто пришел вовремя и мог не страшиться внимания вахтерши, среди любопытствующих не оказалось. Только лишь Орах недоверчиво посмотрел на меня и хмыкнул, проходя мимо, но вопросы, по-видимому, решил задать начальству, все еще занимавшему его кабинет.

Отработать смену оказалось нелегким делом. Мысли мои вертелись вокруг предстоящего собеседования, а о цели его я предпочитала даже не думать. Все больше и больше понимала, что было ошибкой назначать меня на столь ответственное задание, но вариантов избежать его не видела. Хорошо хоть преступники в этот день словно взяли выходной, и коллеги, заметив мое подавленное состояние, со всеми немногочисленными происшествиями справлялись без моего участия.

С трудом дождалась момента, когда можно будет сбежать домой, и на дороге вопреки обыкновению не вела себя прилично – хотелось гнать, выжимая из мотоцикла все, что в его внутренности заложили изготовители. Как я не разбилась в тот день, ума не приложу. Наверное, Вселенной было угодно, чтобы я все-таки попала на этот кастинг невест, другого объяснения такой необычайной везучести попросту не существует.

С грохотом захлопнув за собой дверь квартиры, прислонилась затылком к косяку и постаралась успокоиться, как вдруг услышала из кухни странный звук – непонятное и совершенно неопознанное мяуканье.

– Не поняла! – громко и очень воинственно произнесла я и, даже не разувшись, отправилась на поиски источника звука. В принципе я не против животных, но заводить кого-либо без моего ведома сосед не имел права. Пылая праведным гневом, зашла на кухню и вместо кота либо же другой инопланетной зверушки обнаружила рыдающего Ключера.

Огромные капли стекали по каменным складкам, огибая длинное вытянутое... назвать это носом язык не поворачивается. Сопли лились на рубашку, опережая слезы. Я в первый раз видела, чтобы Ключер плакал, и, честно сказать, не хотела бы видеть вовсе.

– Что случилось?! Тебя депортируют?! Ключер!

– Не-е-ет, – протянул сосед, высморкавшись в полотенце. Я решила не обращать на это внимания, все ж таки такой животрепещущий момент.

– А что тогда?! Штраф? Или что? Да не молчи ж ты!

– Меня на работу взяли, – всхлипывая, пробасил этот двухметровый крокодил. – Этот гад! Он мне жизнь испортил!

С трудом успокоив соседа, я смогла выяснить следующее. Как и намеревался, сосед в шесть утра явился к дверям офиса, пригласившего его на собеседование. Как и намеревался, выломал им двери, а когда спешно прибыл вызванный охраной работодатель, рассказал ему заготовленную речь об огромном желании работать. Ключеру просто не повезло. Владелец офиса оказался пришелец с какой-то далекой планеты (длинное название которой мой сосед был не в состоянии запомнить), и в его инопланетной памяти все еще осталось воспоминание, как тяжело ему пришлось в Ригарийской империи вначале, а потому напускной энтузиазм Ключера он принял за искренний. С завтрашнего дня мой сосед начинал работать. И угадайте кем? Курьером. Не знаю, кому больше не повезло – Ключеру, отзывчивому работодателю либо же его клиентам. Не позавидуешь бедным старушкам, не привыкшим к путешественникам с иных планет, когда в глазок они увидят этакую морду.

– Эх, – грустно заметил Клюгер, когда поток слез иссяк. – Надо было по старинке – разгильдяя играть. Творческая жилка меня сгубила.

Глава 2

Ночь выдалась мучительно долгой. За стеной, сетуя на свою горькую судьбу, всхлипывал Ключер. Попытки пристыдить его и убедить в том, что ничего страшного не случилось, успехом не увенчались. Прибавим к шуму из-за стены собственные тягостные думы и страх перед участием в такой непредсказуемой и непродуманной операции, и со сном мы тепло попрощались.

Роил и Ингирих знали, на что давить, убеждая меня в необходимости участия в отборе. Уверена, они и с родителями встретились, дабы выяснить мои слабые стороны и степень неприятия бывшей профессии. Если бы я с легкостью могла вернуться к прошлому, угроза моего увольнения могла не сработать, вот только возвращаться я не собиралась.

Моя мать – заслуженная артистка Ригарийской империи. Долгое время она порхала по сцене, любимая мужчинами, любимая народом. Ее знали на многие галактики вокруг, на спектакли с ее участием раскупались билеты за год вперед, поклонники дарили дома, квартиры, автомобили... В общем, моя мать не сходила с вершины славы, пока... пока не родилась я. Чтобы никто не мог обвинить ее в неразборчивости связей, матери пришлось выйти замуж за одного из почитателей своего таланта. Она надеялась в будущем, сбросив ненужного ей ребенка на мужа, продолжить карьеру, но судьба распорядилась иначе.

Выбирая мужа по принципу «лишь бы согласился взять пузатую», мама не учла того факта, что поклонник женился, исходя из принципа «лишь бы богатая». Сразу после свадьбы он принялся люто проматывать теперь уже общие деньги, зачастую проигрывая их еще до того, как они оказывались в карманах. Избавиться от мужа не получалось, нанять няню тоже не представлялось возможным из-за долгов, поэтому в творчестве мамы случился вполне закономерный застой.

Через год, когда дела немного пришли в норму, мама попробовала вернуться на сцену, но там ее уже никто не ждал. Нет, на небольшие роли ее приглашали, например, она с блеском играла престарелых горничных, но привыкшей к всеобщему обожанию женщине этого было мало. К тому же в личной жизни по-прежнему не везло – раскаявшийся муж вернулся в лоно семьи, но любви между родителями не было, они будто бы соседствовали в своем несчастье.

Стремясь отомстить жестокой судьбе, сбросившей ее с пьедестала, мама обратила свой взор на меня. С трех лет у меня были репетиторы, тренеры, учителя. Я одновременно изучала три языка, моей дикцией занимались лучшие логопеды империи (удивительно, но поиздержавшиеся родители на все это находили деньги), мать лично обучала меня игре на фортепиано и скрипке, каждый неправильный аккорд сопровождая ударом плети. Благо, что финансы не позволяли перевести меня на домашнее обучение и я не была лишена общения со сверстниками, хотя амбиции родительницы простирались и на это. В каждом новом занятии, будь то арфа, актерское мастерство либо же легкая атлетика, я видела желание матери доказать всей империи, что у нее все хорошо, а дочь, которую она люто ненавидит и унижает при каждом удобном случае, самая лучшая. Многочисленным знакомым на вопросы, чем она занимается в свободное время (люди просто не могли не напомнить о том, что времени у маменьки катастрофически много), она с придыханием отвечала: «Ни секунды свободной. Рэя хочет все успеть, а я просто помогаю ей достичь желаемого». В такие моменты я улыбалась, безмолвно крича: «Поменьше внимания! Дайте мне хотя бы вздохнуть свободно!»

В моей жизни регламентировано было абсолютно все: что надевать, с кем дружить, на кого смотреть, какое произведение исполнять, куда поступать... Не стоит и говорить, что от парней меня старательно ограждали, боясь повторения судьбы матери. Не знаю, на что она надеялась, но в тот же день, как получила документ о совершеннолетию, я сбежала.

Сбежала, конечно, условно. Скорее – покинула отчий дом. Мама все время знала, где я нахожусь, – не зря в ее любовниках ходили значительные люди империи, но пока я не обрати-

лась к ней за помощью и вновь не попала в кабалу, то могла считать себя свободной. А у матери не исчезал повод называть меня неблагодарной дрянью. Представляю, как она будет довольна, когда узнает о моем участии в отборе. Полагаю, для нее это станет наилучшим выражением того, что так долго она пыталась в меня вложить.

Мой измученный волнениями и воспоминаниями организм уснул только под утро, победив сознание в неравной схватке. Стоит ли удивляться, что после пробуждения в зеркале отразилась бледная немочь с воспаленными глазами и помятым лицом. Спешащий на работу Ключер кофе меня не порадовал, поэтому смотреть на мир с позитивом причин не было.

Простояв под холодным душем минут пятнадцать, я с грехом пополам проснулась, нанесла легкий макияж и долго провозилась в шкафу, выбирая, что надеть. Черная форма СИБ, почти ставшая для меня второй кожей, явно не подходила для кастинга невест, поэтому свой выбор я остановила на зеленом шерстяном платье с длинными рукавами и воротом – упрощать Ингириху задачу и выглядеть соблазнительно не собиралась точно. Все ж таки мне было обещано содействие хотя бы на начальном этапе.

Ожидая такси, я поймала себя на мысли, что отчаянно волнуюсь. В последний раз чувствовать себя настолько неуверенно мне пришлось на отчетном концерте музыкального колледжа. И так как ни колледж, ни ощущение липкого страха мне не нравились, я вздернула нос и всю дорогу до места назначения просидела с максимально выпрямленной спиной и стиснутыми от злого упрямства зубами. Еще чего не хватало! Это простое задание, такое, как, например, розыск преступника, и нечего нервничать по поводу того, понравлюсь ли я кому-то или нет.

Собеседование проходило в центре города, в здании, называемом Обителью литературы, в котором обычно заседало Общество литераторов Ригарийской империи. Занималось оно по большей части критикой начинающих авторов и восхвалением трудов, написанных его членами, но по распоряжению регента Обществу пришлось уйти на вынужденные каникулы для того, чтобы ненадолго уступить свой кров для проведения первого этапа отбора невест для принца.

До места назначения было около получаса езды. Начинала я свой путь с окраины, где располагались новые жилые кварталы. В этом районе всегда было чисто и уютно: мамочки всех рас прогуливались по дорожкам со своими чадами, среди которых попадались и крокодилчики (не удивлюсь, если Ключер к их появлению приложил руку, и не только руку), карлики с планеты Ниршефтсхутта, нимфы из далекой галактики Межмирья... Деревья и кусты, семена которых завозили со всех дружественных планет, создавали ощущение нереальности окружения, и, даже проезжая по дороге, казалось, путешествуешь в чудесном саду. Именно в этом районе предлагали квартиры зажиточным приезжим, и именно этот район демонстрировали регенту, когда ему приходило в голову проверить, как расходуется бюджет.

Желая избежать пробок, я попросила автопомощника проехать через соседний район с пафосным названием Клайфсбет, или, как его называли коренные жители Ригарийской империи, Поганка. В Поганке проживали настоящие отбросы общества, те, чьи ноги не раз ступали по плитам сибовского центрального отделения, а задницы не раз сиживали на тюремных нарах. Несмотря на по-весеннему светлое утро, в этом районе, казалось, хмурится солнце – настолько он был засаленный, неопрятный и вместе с тем будто бы безучастный к своей неряшливости. Ветхие дома, снести которые нужно было много лет назад, дорога в выбоинах и странные личности, провожающие мое такси мутными взглядами. Этот район старались спрятать от чужих взглядов, про него будто бы старались забыть и правительство, и сами люди, живущие в нем. Лишь работники СИБ регулярно посещали Поганку, да и то по службе или объезжая пробки, как и я сейчас.

Я почти не удивилась, когда на капот автомобиля упал булыжник размером с человеческую голову. Как видно, умудренные опытом жители Поганки давно выяснили, что обычный камень усиленное стекло такси не разобьет, и решили действовать другим путем, применяя

снаряд побольше. Автопомощник, согласно своей программе, разглядел в камне преграду и машину остановил. Следовало выйти из автомобиля и убрать с капота смущающий робота камень, и я вздохнула, понимая, что на это и рассчитывают злоумышленники.

Не далее как позавчера я принимала жалобы от добропорядочных граждан, случайно заехавших на улицы Поганки и, как следствие, позднее писавших в отделении СИБ заявление, будучи одетыми в одни трусы. Это еще они на странно гуманных «поганцев» нарвались.

Я вышла из машины, и тут же передо мной вырос худощавый паренек с бегающими глазами навывкате и грязными руками, сложенными на груди. Странно, по показаниям потерпевших, в разбое принимали участие сплошь инопланетяне. Логика в этом была – без должной сноровки опознавать пришельца очень сложно. Но сейчас передо мной стоял, расхлябанно что-то пережевывая, чистокровный человек.

– Какая краля, – с издевкой протянул он, в улыбке обнажая гнилые зубы. – Познакомимся, а?

Я привалилась спиной к машине и, подражая пареньку, сложила руки на груди:

– А мы разве не знакомы, Чехор, а? Неделю назад очень тесно с тобой общались, – и, помолчав, добавила: – Припоминаешь, Варан Чехорандон?

Чехор застыл с приоткрытым ртом. Парня заметно удивил тот факт, что незнакомая девица не только знает его настоящее имя, а не кличку, так еще и не демонстрирует страха. Я видела, как отделяется от зубов и падает отслюнявленный комок травы. Брезгливо ткнула его носком туфельки и резюмировала:

– Неужели гармала? Чехор, так ты же мне клялся-божился, что дурь тебе подкинули!

В затуманенных глазах парня мелькнуло узнавание, и он так быстро прикрыл рот, что зубы клацнули.

– Сержант... э-э-э, а как вы тут? То есть можете гулять где хотите, но все же. – Чехор окинул взглядом мое платье и понятиливо кивнул: – Проездом, значит, не по работе.

– Думала покататься, а, оказывается, служба и на час не прекращается, – усмехнулась я. – Ну что, угрожать оружием, деньги забирать будешь? Так же вы, кажется, приезжих разводите? У меня заявлений на вашу шайку штук пять лежит.

– Да как можно. – Чехор развел чуть дрожащие руки в стороны (дрожат они из-за зависимости, а не по причине волнения). Я отлично понимала, что таким движением подельникам подавался какой-то условный знак, вот только знать бы какой. Осторожно повернула голову, но никого не обнаружила. – Я смотрю: злобные дети камень на такси бросили, подошел убрать, а тут и вы зачем-то из машины выскочили, да сразу Чехорандон, да какие-то заявления... А наркоту мне и впрямь подкинули. И жевал я обычный подорожник, а за это не сажают.

– Подорожник? А если экспертизу провести?

– Вы ж не на службе, сержант. – Чехор грустно, как-то даже с сочувствием вздохнул. – Так что пока своих вызовете, пока криминалисты приедут, травинка-то полевая сгнить успеет. Неужели без протокола с земли соскребать будете? Так я не в ответе, кто там что набросал.

– Камень убрать хотел? – Я с трудом скрыла улыбку, удивляясь предприимчивости «поганца». Вызвать бы дежурный отряд, вот только мы оба знаем, что, кроме жевания травы, ему ничего предъявить нельзя, а значит, сейчас не стоит разводить суету. – Так убирай!

С услужливой улыбкой Чехор взял камень с капота и быстрым движением забросил его в кусты. Может быть, мне показалось, но послышался сдавленный стон.

Машина тут же зажужжала. Я холодно кивнула Чехору и села на заднее сиденье, но парень не дал мне закрыть дверь, придержал ее и наклонился вперед:

– Сержант Адальстан, я бы не советовал вам по нашему району разгуливать хоть в форме, хоть без нее.

– Угрожаешь? – без тени улыбки спросила я.

Чехор раздраженно постучал пальцами по стеклу.

– Я вас предупреждаю. Вы же недавно одного из пунитов задержали... имен не называю, думаю, сами понимаете, о ком идет речь. Его отпустили под залог, и он во всеуслышание заявил о том, что вас найдет. Так что навстречу неприятностям стремиться не нужно.

Пуниты – холодные человекообразные с голубой, склизкой на ощупь кожей. И в самых лучших их представителях приятного мало, а в Плисе Хопсвуде, которого я недавно арестовала, и вовсе отсутствует хотя бы искра гуманности. Он насильник с открытым счетом погибших жертв. Долгое время пуниту удавалось ускользнуть от правосудия, но в конце концов мы поймали его на живца. Причем в роли жертвы выступила я. Так что мстительное желание Плиса закончить начатое я понимала, но по понятным причинам одобрить не могла.

– Что за приступ человеколюбия, Чехор?

– Это вас не касается, сержант. Специально бы не подошел, а тут, видишь, судьба подтолкнула. Ваше дело – верить мне или нет, но я свою совесть успокоил, хоть вы скорее всего и сомневаетесь в ее существовании.

– Под протокол подтвердишь?

Чехор медленно отпустил дверь и отсалютовал мне рукой:

– Хорошего пути, девушка. Не задерживайтесь допоздна – на улицах нынче беспокойно.

Я с сожалением покачала головой. На положительный ответ Чехора рассчитывать не приходилось, но насколько бы проще стало жить, откажись преступники от своей «корпоративной» этики. И насколько сложнее.

– Спасибо, Варан. Но поблажек все равно не жди.

Чехор закатил глаза и поднял вверх ладони, демонстрируя, что ни на что и не надеялся.

Не сказать, что меня испугало неожиданное предостережение, но повод задуматься, условно, появился. Главным образом мысли мои занимали предположения о том, кто внес залог за подозреваемого в неоднократном совершении особо тяжких преступлений и куда в таком случае смотрел прокурор. Преследуя Хопсвуда, мы исходили из принципа, что маньяки действуют в одиночку, но выясняется, что за пунитом стоит кто-то достаточно богатый и влиятельный. Возможно, это какой-то добрый родственник, а может быть, что, помимо изнасилований и убийств девушек, за Плисом числятся еще какие-то преступные деяния и покровитель опасается, что они перестанут быть тайной.

Я нахмурилась, понимая, что сейчас не время размышлять о Хопсвуде. Первоочередной задачей сейчас был кастинг невест. Если все пройдет успешно, пуниту во дворце меня не достать, а своими предположениями смогу поделиться с коллегой, которому передадут дело Хопсвуда.

Без происшествий мы достигли центральной части города. Каменные белые здания, острыми шпилями крыш устремлявшиеся вверх, строгие, лаконичные клумбы с обязательными рекламными щитами в центре, на которых сияли яркие плакаты с изображением пейзажей империи либо с портретом регента. Некоторые из них уже пообтрепались, но сменять их не торопились, понимая, что при скорой смене власти это нерационально. Возможно, уже через месяц портреты будут вешать совсем иные.

В Центральном районе города сосредоточились почти все головные государственные органы империи. Это место всегда было своеобразным прибежищем трусливых политиков. На въезде в этот район располагались сибовские кордоны, якобы призванные защищать исторический центр города от террористов, а на деле не допускающие разгуливать большей части жителей Поганки на глазах у чиновников, имеющих настолько тонкую душевную организацию, что вид оборванцев повергал их в пучину стресса.

Узнав, где будет проходить собеседование, я решила, что было бы логичнее проводить этапы отбора во дворце либо же в его парковой зоне, но теперь, останавливая такси за два квартала до Обители литературы, понимала организаторов – улицы были заполнены разряженными и напomaженными девицами возрастом от восемнадцати до двадцати трех лет (именно

такие границы установил Максимилиан). Когда я вышла из машины и принялась продираться сквозь толпу, мое обоняние накрыло чудовищное амбре из смеси всех существующих видов духов. Так как многих девиц сопровождали матери, количество возможных источников запаха увеличивалось вдвое.

Спустя полчаса я наконец добралась до Обители. Надо мной возвышалось внушительное здание с широкими окнами, украшенными цветочным орнаментом и колоннами, предназначение которых состояло не в действительном поддержании свода, а в декорировании фасада. На крыльце стояла небольшая стойка, и возле нее с измученным видом застыл молодой стройный мужчина в сером костюме и галстуке. Новоприбывшим девушкам он выдавал номерки. Я отстояла очередь и получила маленькую пластину с цифрами 1481.

– Простите... – Я наклонилась к бейджу мужчины, дабы выяснить имя. – Билиян, я так понимаю, моя очередь наступит ой как не скоро. Можно ли мне отлучиться, скажем, на полдня?

Билиян, раньше явно работавший с литераторами Обители, взглянул на меня крайне изумленно.

– Девушка, но, если вы пропустите свою очередь, придется брать номер заново.

Меня это не пугало, о чем я прямо ему и сообщила. Мужчина вконец растерялся. Позади меня уже собралась орда страждущих получить номер, под которым они ворвутся в императорскую семью, но Билиян не мог так просто допустить потери для принца хотя бы одной потенциальной невесты.

– Очередь двигается достаточно быстро, – заверил меня мужчина, нервно поправляя очки. – Работают сразу десять кабинетов, и вполне возможно, что к середине дня вы будете свободны.

– Сомнительная перспектива, – вздохнула я. – Шататься вокруг здания полдня. Как думаете, может, прийти завтра, когда ажиотаж спадет?

– Не думаю, – Билиян, кажется, мне искренне сочувствовал. – Сегодня Обитель оккупировали девушки, проживающие в столице, но в последующие дни к ним присоединятся и жительницы других городов Фрибрина, а также прилетят корабли с Ваоля и спутников.

Я недовольно скривилась.

– Сколько будет длиться этап собеседования?

– Неделю. Но всегда есть риск, что его прекратят раньше.

Лучезарно улыбнувшись, я поблагодарила мужчину и отошла в сторону, сжимая в руке пластину. Уставшего Билияна тут же обступили недовольные и галдящие девушки. Меня так и подмывало сбежать, отложив исполнение задания хотя бы на пару дней, но что-то мне подсказывало, что Ингириху и Роилу это не понравится. И тем более они будут в гневе, если из-за различных неурядиц мне и вовсе не удастся попасть на отбор.

Пришлось затесаться в толпу таких же ожидающих своей очереди и маяться от невозможности присесть. На фасад здания Обители вывесили огромный экран со сменяющимися на нем цифрами, предназначенный для того, чтобы мы знали, чья наступила очередь для беседы. Горящие числа на экране заметны были издали.

Я привалилась спиной к металлическому сетчатому ограждению здания прокуратуры и, спрятав руки в карманы, принялась вертеть головой по сторонам, рассматривая окружающих меня девушек, мечтающих о статусе императрицы. Подозреваю, из них не наберется и сотни дам, знакомых с Максимилианом, но абсолютно все, и я в том числе, будут утверждать, что влюблены в принца горячо и преданно.

Девушки, участвующие в первом этапе отбора, были абсолютно разными, отличаясь и внешностью, и манерой поведения, и уровнем материального достатка, который сквозил и в одежде, и даже во взглядах, которые они бросали на конкуренток. Наиболее обеспеченные девицы расположились в автомобилях, чтобы там ожидать своей очереди, вместо себя оставив шоферов. Бедные парни в строгих костюмах и без курток сбились в кучку и тихо переговарив-

вались. Не удивлюсь, если некоторые из богатых лентяек и на собеседование самостоятельно не пойдут – отправят вместо себя шофера с энной суммой денег в руках. Не знаю, как насчет людей, проводящих этап собеседования, но надеюсь, хотя бы принца им в последующем подкупить не удастся.

Многие из девушек явно перестарались, нанося макияж, причем относилось это в основном к юным восемнадцатилетним прелестницам. Ясно, что девушкам хотелось подчеркнуть свою красоту и индивидуальность, вот только горящими, как семафоры, глазами и алыми, сочащимися блеском губами они подчеркнули только свое неумение пользоваться косметикой.

Наряды тоже поражали своим разнообразием, притом многие только разнообразием в глупости. Некоторые девушки, наплевав на тот факт, что погода по-весеннему промозглая, надели нарядные, но летние платья на тонких бретельках и открытые босоножки. На месте отбирающих я бы завернула таких невест на входе – империи необходима здоровая императрица.

Отдельные личности намерены были сразить Максимилиана сразу на первом этапе, забыв, что с невестами он встретится гораздо позже, и во исполнение своих целей пришли в столь сексуальных нарядах, что благопристойные мамы, изредка, как льдины, проплывающие сквозь толпу, закрывали своим чадам глаза.

Обособленно от остальных держались жительницы Поганки. Мое внимание привлекла высокая черноволосая девушка, о чем-то щебетавшая с подругой. Одета она была бедно, и даже рукава свитера были настолько длинные и широкие, что маленькие ладошки только изредка выглядывали из них, да и то лишь тогда, когда девушка эмоционально всплескивала руками. Но бледное, чистое, как будто фарфоровое лицо и карие, почти черные глаза привлекали внимание и возвращали к девушке мой взгляд снова и снова.

К тому моменту, как подошла моя очередь, я уже успела пообедать в кафе за три квартала от Обители и пару раз выпила кофе из летающего в толпе кофейного аппарата. Несмотря на то что до меня кабинеты посетили уже больше тысячи девушек, количество людей, по-моему, не убавлялось, а, напротив, прибывали все новые претендентки на руку и сердце принца. Краем уха я прислушивалась к обсуждениям собеседования, звучащим вокруг, и начинала волноваться, несмотря на то что мне-то участие в отборе было обещано.

Проходя мимо Билияна, кивнула ему, уже находящемуся в предынфарктном состоянии, и вошла в третий кабинет, как и было указано перед номером моей очереди на экране.

Кабинет с наклепленным на дверь листком с цифрой три ни снаружи, ни изнутри ничем не привлекал внимания. Стены с нанесенным на них типовым для бюджетных организаций серым покрытием, напоминающим пчелиные соты, стеллажи, сейчас пустые, стол с широкой столешницей и напротив него – глубокое удобное кресло. Кабинет был лишен своей индивидуальности: картины отвернули к стене, наверное, чтобы не отвлекать участников собеседования, и почему-то мне казалось, что на этих стеллажах раньше вперемежку с книгами стояли различные милые сердцу безделушки. В углу большой кучей была свалена гора бумажек – немногие смяты, единицы разорваны, большая часть просто отброшена в сторону. У меня закралось подозрение, что это анкеты участниц, которым не повезло.

За столом, устало положив подбородок на сложенные ладони, сидела женщина средних лет с экстремально коротким каре и умело подведенными глазами. Заметно было, что мне она не обрадовалась, но все-таки улыбнулась, вышколенная в своем профессионализме, и, взяв наманикюренными пальчиками чистую анкету из стопки лежащих перед ней бумаг, кивнула на кресло:

– Здравствуйте, меня зовут Мелора, и сегодня я буду решать, есть ли у вас возможность принять участие в отборе.

– Добрый день. – Стараясь унять некстати возникшую дрожь в ногах, я сняла куртку и, присев, положила ее на колени.

– Ваше имя?

Я представилась. Женщина успела записать мою фамилию, и тут ручка перестала писать. С досадой поискав другую, Мелора извинилась и продолжила заполнять графы:

– Возраст?

– Двадцать три года.

Женщина скептически взглянула на меня, как бы намекая, что с такими цифрами в документах незачем и пытаться стать императрицей, но ничего не сказала.

– Рост?

– Сто семьдесят четыре сантиметра.

– Вес? По возможности действительный, а не желаемый.

– Шестьдесят килограммов.

Мелору, как видно, мои параметры не устроили так же, как и возраст. На вопросы о месте работы, должности и образовании я отвечала спокойно, попутно размышляя, каким это образом Ингирих собирается способствовать моему прохождению на отбор. Если мою анкету сочтут бесполезной, найти ее в куче таких же будет проблематично. И явно, что сохранение моей конфиденциальности при этом будет невозможно.

– Где проживаете?

– Снимаю квартиру. С соседом.

– Состоите с ним в любовных отношениях?

– Естественно, нет! Мы просто вместе снимаем квартиру!

Мелора хмыкнула, демонстрируя свое отношение к моим словам, очень долго записывала что-то в соответствующей вопросу графе и наконец спросила:

– Вы девственница?

Я нахмурилась. Мне казалось, такие моменты выясняются исключительно между мужчиной и женщиной, и то при возникновении романтических отношений.

– Э-э-э, что, простите?

– Были ли у вас половые отношения с мужчинами? Раса не имеет значения.

– Да... Но какое это имеет значение?!

– Анкета вроде бы в моих руках, а значит, вопросы задаю я. Странно, что вы признались. Девяносто пять процентов девушек, которых я опросила, утверждают, что мужчин они видели исключительно на картинках и в общем и целом берегли себя для принца.

Я равнодушно пожала плечами. Стыдиться мне было нечего – совершеннолетия достичь успела и своими половыми органами могла распоряжаться по собственному разумению. А женщина продолжила:

– Со своим соседом вы состоите в интимных отношениях?

– Там действительно есть такой вопрос? – не вытерпела я.

Но Мелора, ничуть не смутившись, ослепительно улыбнулась:

– Темы собеседования определяются мной. Я могу задавать любые вопросы, если считаю, что они помогут принять решение об участии девушки в следующем этапе.

Я поглубже вздохнула.

– Я не состою с Ключером в интимных отношениях.

– Почему? Он неприятен вам как мужчина или же вы предпочитаете женщин? Быть может, симпатию на корню обрубил быт?

Я возмущенно закатила глаза – из вопросов Мелоры явно следовало, что если я нормальной ориентации, то априори должна спать с каждым из мужчин. Интересно, это правило действует и для нее?

– Все мимо. Причина проста: я против межрасовых отношений. Он прибыл с планеты ЛошТан-Ага.

– Оу. – Мелора, по-видимому, знала, как выглядят жители родной планеты Ключера, потому что твердой рукой вычеркнула ранее написанные строки и задала следующий вопрос: – Ваши увлечения?

Я вспомнила, с каким воодушевлением Ингирих и Роил говорили о моем близком знакомстве с музыкальными инструментами, и решила порадовать и Мелору. Вопреки моим ожиданиям она саркастически ухмыльнулась:

– Девушка, каждая пятая утверждает, что играет на скрипке, и каждая третья – что на фортепиано. Признаю: вы первая, кто упомянул арфу и флейту, но вынуждена уточнить – вы сможете продемонстрировать владение хотя бы одним из этих инструментов?

– Конечно! – Я немного разозлилась, хотя и понимала, что не стоит принимать этот вопрос близко к сердцу. Многие девушки пытались выставить себя в более выгодном свете и зачастую к своим достоинствам добавляли несуществующие, но такие желанные.

– И у вас совершенно случайно не заболит палец, не заложит ухо, не задрожат от волнения руки?

Я расслабленно откинулась на спинку кресла и, улыбаясь, заверила:

– Я отлично себя чувствую, правда. Прошу вас, вы можете принести инструмент.

Мелора вздохнула, жалея, что тратит на меня время, и по небольшому переговорному экрану вызвала секретаря, попросив его захватить скрипку. Секретарь, миловидная молодая женщина, подошла через пару минут и протянула мне скрипку. Довольно хорошего качества, надо признать. Я тихо провела смычком по струнам и удивленно констатировала:

– Настроена...

– Играла сегодня, – смутилась девушка. А Мелора вскинула брови.

Играть я решила произведение «Нежность» знаменитого композитора Валиада – выходца из Межмирской республики.

Скрипка привычно взлетела на плечо, и я закрыла глаза, предоставляя пальцам самостоятельно порхать по струнам и сжимать смычок. Порой мне казалось, что я забыла все, чему меня так упорно учила маменька, но иногда, во снах, для меня играли скрипки, им вторило фортепиано, и я, совершенно счастливая среди музыкальной вакханалии, исполняла соло на флейте. В последний раз наяву я держала инструмент пять лет назад, но пальцы не ошиблись ни на ноту. И хотя композитором именно для этого произведения задумывался аккомпанемент фортепиано, музыка и без него взлетала и падала, разрезала сердца не только присутствующих в кабинете, но и проникала за стены, в соседние комнаты. Скрипка страдала и плакала, и мы рыдали вместе с ней. Не знаю, что расстроило Мелору, может быть, стыд за необоснованные подозрения в обмане, но у меня выступили слезы от удивительного единения с тем, от чего когда-то отказалась. Не беря в руки и даже не подходя к музыкальным инструментам, я, казалось, таким образом уничтожала связь с семьей. Но, как выяснилось, я просто предавала часть себя.

Когда я закончила, женщина звучно высморкалась в белый платок:

– Вы знаете, ваш возраст, место работы, да и в целом нравственный облик склоняли меня к мысли, что вы принцу не подходите. Но то, что вы в основном говорите правду, вынуждает меня, как справедливого человека, поощрить искренность и принять решение в вашу пользу. К тому же вы по-настоящему красивая девушка, что вкупе с вашими увлечениями сделало бы мой отказ преступным.

Я смутилась, отдала пораженному секретарю скрипку и вновь присела на кресло. Хотя вопрос о прохождении в отбор и оказался решенным (спешу заметить, без участия Ингириха и Роила), анкету предстояло заполнить до конца.

Уже на выходе из кабинета я спросила:

– Простите, а по каким критериям вы отбираете кандидатов?

Мелора удивленно на меня взглянула:

– Их очень много. На первом месте, естественно, внешние данные девушки – каждая из нас осведомлена о пристрастиях принца относительно типажа женщин, также мы обращаем внимание на предпочтения в одежде, умение себя вести, как в вашем случае имеют значение увлечения, ведь принца нужно будет чем-то привлечь, чтобы пройти дальше. Но это неисчерпывающий список. На самом деле мы выбираем девушек по какой-то внутренней уверенности, что они понравятся принцу, присущей тем, кто знает Максимилиана с детства.

– Вы его родственница?

Мелора скромно опустила глаза:

– Я двоюродная сестра покойной императрицы. Да и женщины, сидящие в соседних кабинетах, тоже приходятся принцу родней. Преимущественно по материнской линии. Так что уж мы знаем, какой должна быть будущая императрица.

Попрощавшись и закрыв за собой дверь, я подумала, что в нормальной семье стремление родни парня найти ему невесту расценивалось бы как ненужная навязчивость и гиперопека. Но в ситуации принца получается, что это просто вынужденная помощь.

Глава 3

В этот день я решила не заезжать на работу. объезжая Поганку, вернулась домой и в кои-то веки вознамерилась что-то приготовить. Зачастую есть мне приходилось на службе, но иногда, заполняя вечером в дом, успевала урвать кусочек кулинарных шедевров Клюгера. Уверенная, что после первого рабочего дня ему просто необходим вкусный допинг, я встала к плите в стремлении порадовать соседа.

Еще не успела даже замесить тесто для блинчиков, как кто-то постучал в дверь. Отчего-то мне вздумалось, что Клюгер, пребывая в расстройстве от вынужденного труда, забыл ключи. И я, ничуть не сомневаясь в разумности своих действий, распахнула двери. Помня об угрозах пунита, это было чересчур самонадеянно, но в этот раз Вселенная надо мной смиростивилась – на пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Роил. Его появление удивления не вызвало, меня смутил тот факт, что майор держит в руке внушительный букет цветов. Причем не лишь бы каких, а идельских лилий, стоивших ему баснословных денег.

Видя, что я потерянно разглядываю цветы и приглашать его не спешу, Роил взял инициативу в свои руки:

– Дорогая, мне можно войти? Я так скучал!

Я пробормотала что-то невразумительное и отодвинулась в сторону, пытаюсь понять, что нашло на майора. Нет, он, конечно, симпатичный мужчина, да и человек, возможно, приятный (правда, не было повода выяснить), но лилии и обращение «дорогая» как-то уж чересчур.

Роил меж тем прошел в квартиру, бросил букет на тумбу в коридоре и бегло осмотрел комнаты. Я закрыла дверь и наблюдала за передвижениями майора с легким недовольством.

– Дорогой, – съязвила я, заметив, что Роила очень заинтересовал мой шкаф, – что происходит?

– Вы о чем? А-а-а, о цветах? Сержант, мы должны сохранять конфиденциальность. – Майор оторвался от шкафа и задернул шторы. – В случае, если меня заметили соседи, они подтвердят, что шел я к вам с подарком и улыбкой на лице, а значит, по личному мотиву.

– Пусть так. – Скрывая смех, я кашлянула в кулак. – Но шкаф-то вы обыскали зачем?

– Вдруг вы не одна!

– Так вы думали, на полках спрятался иностранный шпион?

Роил отмахнулся от моего язвительного замечания.

– Где мы можем поговорить?

– На кухне? – замешкавшись, предложила я. – Я блинчики решила сделать...

– Блинчики – это хорошо, – признал Роил. – Я как раз ничего не ел с самого утра.

В ожидании блинов майор съел гречневую кашу, от которой Клюгер уже неделю воротил нос, и расспросил меня о ходе собеседования. Без излишних подробностей, включающих мои ответы и неприятные комментарии Мелоры, я рассказала, что попала в отбор. И не преминула спросить, каким это образом руководство СИБ хотело оказать мне содействие. Роил поперхнулся бутербродом, который к тому времени соорудил самостоятельно, покопавшись в недрах холодильника.

– Водички? – заботливо предложила я.

– Нет-нет. – Майор прокашлялся и, густо покраснев, поведал мне, что их обещания в содействии были не чем иным, как способом поддержания во мне уверенности.

Я с грохотом поставила сковороду мимо плиты и в бешенстве обернулась:

– Уверенности?! Вам показалось, что мне уверенности не хватает?! Да вы хотя бы подумали, прежде чем обещать? Я же могла заявиться на собеседование и с порога утверждать, что за меня просили! Извините, Мелора, где мое место в отборе? – Последнюю фразу я добавила препротивным голосом.

– Вы бы так не сделали, – безапелляционно заявил Роил.

– Правда, что ли? – прошипела я. – А если бы все-таки сделала?

Майор снисходительно закатил глаза:

– И что?! Вы думаете, такого никогда не происходило? Уверяю вас, люди много чего заявляют – что ж теперь, организаторам отбора на всех внимание обращать?

С удовольствием представив, как убиваю этого майора, а затем расчлению труп, я немного утихомирила свою ярость и вернулась к блинам. Стопка их росла на глазах.

– Не удивляйтесь, если к вам нагрянут гости, – внезапно сказал Роил.

– Шкафы обыскивать? – усмехнулась я.

Но майор не смутился:

– И шкафы тоже. Пока неизвестно, сколько девушек пройдет в отбор, может быть, и десять, и сотня. Но всех их, безусловно, проверит личная императорская охрана. Вполне возможно, что они придут к вам домой. Так что тому амбалу, что с вами живет, придется съехать.

– Не придется – на собеседовании я о нем сообщила. Будет странно, если Клюгер неожиданно исчезнет.

Роил недоволен на меня взглянул, но спорить не стал. Я же с издевкой ему напомнила:

– Что же вы не подумали о проверке, когда через двор с цветами шагали и на весь дом меня дорогой называли? Сотрудников императорской охраны обязательно заинтересует тот факт, что ко мне заходит мужчина, причем появился он уже после моего прохождения в отбор.

Роил так и замер с открытым в озарении ртом. Я с интересом наблюдала за сменой эмоций на его лице и поедала блины. Майору решила не предлагать – в моей квартире он и так чувствовал себя достаточно вольготно.

– Идиот! Как же я не подумал-то, – звуковое оформление шока тоже нашло свой выход.

– Ну что ж так грубо-то, – пожурела я. Главным образом из вежливости.

Роил резко встал из-за стола, чуть не уронив при этом стул, и решительно заявил:

– Значит, сейчас будем исправлять ситуацию! Выгоняйте меня и кричите, что любите другого.

– Я пошутила, – мигом посерьезнела я. – Думаю, никто так глубоко копать не станет, да и не замечала я за нашими соседями склонности к сплетням.

– Соседи сплетничают всегда – это факт, – отрезал майор. – И цветы мне вслед можете бросить...

Я вконец затосковала и решила поинтересоваться:

– А если все и впрямь так, как вы утверждаете, и дрянные соседи донесут о любовнике, что мне говорить о вашей персоне? Имени не знаю, телефона нет, приходил после телеграммы?

Тут майор вспомнил вдруг, что он не только сотрудник СИБ, но и не старый еще мужчина, и решил распустить хвост. Томным голосом, упрямо подбираясь к моей руке, Роил поведал, что не женат, связь с молодой красивой девушкой его никоим образом не дискредитирует, и посему имя свое он скрывать не намерен. Я вежливо выслушала майора, затем убрала с его верхней губы прилипший листок петрушки и сказала слишком уж обнаглевшему мужчине:

– Я совершенно не против, для достоверности вполне можно потерпеть близость с вами, – глупо похлопала ресницами, делая вид, что и впрямь так считаю. – Но вы же понимаете, что видеть нас вместе больше не должны? Иначе (только лишь для поддержания образа) мне придется подать заявление о преследованиях бывшего молодого человека.

Пыл Роила как-то сразу угас. Он снабдил меня инструкциями, главным образом заключающимися в словах «наблюдай и не высывайся», и ушел, на всякий случай оставив свой номер телефона. К счастью, от идеи разыграть у дверей спектакль майор отказался.

– А вы не боитесь, что телефоны будут прослушиваться? – уточнила я, повертев в руках бумажку с номером. – И заговорщики узнают, что мы в курсе их планов.

Роил с превосходством на меня взглянул:

– Вы считаете, наши инженеры зря едят свой хлеб? Любые звонки на номера, принадлежащие СИБ, обойдут все прослушки, разделяясь на две линии: на одной охране придется слушать всякие женские разговоры о скидках, а на другой вы будете передавать информацию.

Клюгер вернулся поздно и уже на пороге принялся проклинать миграционную службу, своего работодателя и людей, которые пользуются курьерскими услугами. Блины он уминал быстро, заталкивая в огромный рот сразу несколько, и внушительная стопка уже через пару минут исчезла. Но свой эффект угощение произвело – гнев Клюгера понемногу утихал, и сосед даже рассказал мне, как прошел его первый рабочий день.

Рассказ произвел на меня двойственное впечатление. Либо работодатель Клюгера был существом чересчур жалостливым даже для бывшего неудачника, либо же тетеньки из миграционки ему приплатили. Потому что в первый же день мой сосед потерял посылку, нахамил каждому из клиентов и вдобавок испортил салон служебного автомобиля. Самое интересное, что на вопросы о том, как именно салон был испорчен, Клюгер краснел и отмалчивался, что открывало большие просторы для моей фантазии.

Наутро я как ни в чем не бывало отправилась на работу. Толпа сотрудников во главе с Гайдиной застыла у единственного в отделе телевизора в ожидании новостей. В первую секунду я удивилась: сводки о происшествиях в городе ежечасно поступали в отдел, и нужды прерывать работу ради телевизора не было. Но как только вместо выпуска новостей заиграла веселая, притягательная музыка с демонстрированием лучших моделей империи, я поняла: всех интересовало, как прошел первый день отбора. О моем в нем участии пока никто не знал, и оповещать всех я не собиралась. Может быть, только Орраха. Я нерешительно взглянула на дверь его кабинета, на которой теперь отсутствовала табличка, и решила не спешить. Отыскала в сейфе дело Хопсвуда и начала его просматривать, краем уха прислушиваясь к голосу из телевизора.

Смазливый ведущий, демонстрируя безупречную улыбку, вещал:

– Первый день отбора оказался очень плодотворным. Из полутора тысяч юных прелестных девушек, явившихся в Обитель литературы, которая приютила нашу команду уважаемых и компетентных свах, на следующий этап попали пятеро. Пятеро! Если вспомнить предыдущий отбор, то мы заметим разницу – тогда за семь дней кастинга были отобраны всего десять девушек. Что же это? Великодушные жюри или девушки полвека назад были не так симпатичны?

Марисса тяжело вздохнула и прижала платочек к глазам. Наш любопытный стажер тут же поинтересовался, в чем причина ее грусти.

– Я не прошла в отбор, – стыдливо пряча глаза, призналась Марисса. – Говорила, что мне двадцать три года, но они не поверили.

Гайдина взглянула на нашего делопроизводителя с большим сомнением.

– Явно заметно, что ты давно перешагнула тридцатипятилетний рубеж, – по-военному прямо заявила Тритри. – Не понимаю, на что ты надеялась...

Слезы на лице Мариссы мигом высохли. Она недовольно взглянула на Гайдину и уперла руки в бока, зазвенев при этом многочисленным пирсингом. Назревал внушительный скандал – упоминаний о возрасте Марисса не любила.

– Я надеялась, что в жюри не будут сидеть склочные, затхлые и к тому же тупые старухи! Такие, как ты!

А вот это было уже оскорбление. Гайдина побагровела и показала известную всем фигуру из трех пальцев. Диктор что-то вещал по телевизору, но его уже никто не слушал, все были увлечены реальной схваткой в отделе. И Марисса, и Тритри были примерно одной комплекции, и мы с нетерпением ждали, когда же они сойдутся врукопашную. Нет, разумеется, их бы сразу разняли, но пока никто не осмеливался влезать под горячую руку.

– Такие старухи, как я, – ощерилась Гайдина, – ограждают принца от таких безобразных и недалеких пограничниц климакса, как ты!

Что по этому поводу думает Марисса, мы не узнали, но, судя по тому, что она вполне различимо зарычала и двинулась на обидчицу, слова Тритри ей дико не понравились.

– Что происходит? – раздался громовой голос Орраха. Грозный капитан застыл в дверях своего кабинета, привлеченный шумом. Все сразу же сделали вид, что просто мимо проходили, и разбрелись по своим делам. Ролик об отборе сменился записью Межпланетного форума молодых экономистов, и телевизор тут же выключили.

– Эта женщина, – Марисса обличающе ткнула в Гайдину пальцем, чуть не попав ей в глаз, – меня оскорбила.

– Можно подумать, ты мне комплименты говорила, – возмутилась Тритри.

Марисса же сладко улыбнулась и заявила:

– В твоей ситуации мои замечания звучали как комплименты.

– Хватит! – отрезал Оррах. – У меня нет желания слушать ваши распри – живо разошлись по рабочим местам! Адальстан, ко мне в кабинет!

Я с сожалением взглянула на дело Хопсвуда и, не закрыв папку, отправилась к капитану.

– Зачем приходили эти выскочки? – Оррах приступил к допросу, как только я переступила порог его кабинета. На зычный голос капитана обернулось несколько сотрудников. Я тут же прикрыла дверь. – Про чушь с музыкальными уроками даже не заикайся, я проверил – никаких распоряжений по этому поводу сверху не поступало.

– Выскочки – это подполковник и майор?

– А то кто же, – презрительно фыркнул Оррах. – Я учился с Ингирихом в академии, поэтому знаю, о чем говорю. С Роилом встречался редко, но у него на лице все написано.

– Не буду спорить. – Я немного замешкалась, раздумывая, что сказать. Врать человеку, подавшему мне руку помощи, не хотелось, но и сказать правду возможности не было. Поэтому пришлось выдать часть правды: – Представляют, мне предложили поучаствовать в отборе. Руководство заметило мое личное дело, разглядело мои внешность и потенциал и обещало в будущем поддержку. А я, в свою очередь, стану лицом СИБ. Мое лицо на листовках, представляет?

«Прости, Вселенная, – мелькнула расстроенная мысль. – Что за околесицу я несу? Уроки ораторского искусства плотным стадом рогатых прошли мимо».

– Бред! – Оррах ударил по столу так сильно, что я вздрогнула и замолчала на полуслове. – Ты отвратительно врешь, Рэйя! Признавайся, они тебе угрожали?! Пытались во что-то втянуть?! И не отвечай, сам вижу – раз темнишь, значит, уже втянули!

Капитан вышел из-за стола и принялся мерить кабинет шагами. Если учесть, что размеры комнаты на Орраха рассчитаны не были, то променад его состоял из двух шагов в одну сторону и того же количества в другую.

– Ты слишком молода, Рэйя, ты не понимаешь, что такие люди, как Ингирих, обычными сотрудниками прикрывают собственные задницы! Что, наверное, говорили о чести, империи, доме и все такое? Я эти лозунги знаю наизусть, да вот только ничего за ними не стоит! Погибших вроде тебя называют случайными жертвами либо допустимыми потерями...

Капитан побагровел, а ноздри его дрожали так сильно, что, казалось, лопнут. Для меня слова Орраха не были неожиданностью – я отлично понимала, что роли для руководства СИБ не играю никакой, но как выйти из игры с наименьшими затратами сил и эмоций, пока не знала. Я улыбнулась как можно спокойнее, чтобы не взволновать начальника, и сказала, легонько коснувшись его рукава:

– Скажу вам по секрету, потому что знаю: вы не расскажете кому ни попадя, я прошла в отбор, и вроде бы начиная со следующей недели мне придется уйти в отпуск за свой счет. Спасибо, капитан, но вам правда не о чем волноваться.

Оррах замер, сверля меня сердитым взглядом, но его цвет лица понемногу приходил в норму.

– Хорошо, если так, Рэйя. Напиши заявление у Мариссы. Но не сейчас, а то попадешь под раздачу. Женщины с этим отбором словно помешались – обе мои дочери вчера закатили истерику, что мы с женой не сделали их раньше и из-за возраста они не могут выйти замуж за принца. Хорошо хоть жена пока всем довольна...

Я кивала, соглашаясь со словами капитана, и, когда он выдохся, уточнила, кому передать дела. Оррах вспомнил, что нагрузка на сотрудников увеличится, и опять разозлился. Так что распоряжений я не получила, да и настаивать не стала, решив, что разберусь самостоятельно.

Вернувшись к своему столу, с удивлением обнаружила, что папка с делом Хопсвуда закрыта. Коллеги вполне могли подойти и взять мою ручку, карандаш, но никто никогда не рылся в чужих делах. Я спешно пролистала дело – на первый взгляд из него ничего не пропало.

– Что-то случилось? – спросил Ирек, рабочее место которого располагалось рядом с моим. Именно его я могла с натяжкой назвать своим напарником и именно ему собиралась передать неоконченные дела.

– Ты не заметил, кто-нибудь подходил к моему столу?

– Да нет. – Ирек почесал затылок. – Я сам только вернулся. Что-то пропало?

– Вроде бы нет. – Я посмотрела по сторонам. Внимания на нас никто не обращал. Может быть, я зря волнуюсь – закрыла папку сама и внимания не обратила? Вот только странные предчувствия и внутренняя тревога уже появились и исчезать не собирались.

Клюгер понемногу привыкал к работе. Автомобильный салон больше не портил, дня через два перестал терять посылки, но хамил клиентам стабильно. К концу недели я уверилась в мысли, что в трудоустройстве соседа поучаствовала миграционная служба – ни один работодатель Клюгера бы терпеть не стал.

Каждый день передавали новости отбора, в частности, объявляли, сколько счастливиц уже в него прошло, и с каждым днем у телевизора в отделе собиралось все больше зрителей.

Самым плодотворным на красавиц империи оказался вторник – отобрали семь девушек. В среду – четверых, в четверг посчастливилось троим, в пятницу – опять пятерым, в субботу повезло всего двоим, а в воскресенье уставшим свхам никто уже не понравился.

Таким образом, в понедельник насчитывалось двадцать шесть официальных невест принца Максимилиана – наследника ригарийского престола. Мелора предупредила меня, что к девяти утра первого дня будущей недели я должна снова явиться в Обитель, и уже в половину девятого я останавливала свой мотоцикл на стоянке. Обитель была окружена плотным кольцом охраны и еще большим количеством репортеров. Подозреваю, охрана предназначалась исключительно для того, чтобы девушки, которых забраковало жюри, не бросились на более удачливых соперниц.

На меня никто не обращал внимания ровно до того момента, как я предъявила охране документы. Как только меня пропустили, сотни девичьих голосов взревели, аки гренадские медведи, и защелкали затворы фотоаппаратов в стремлении запечатлеть участницу отбора. Толпа возбужденных девиц придвинулась ближе, то ли желая меня разорвать, то ли мечтая продемонстрировать свое восхищение, так что охране даже пришлось защищаться щитами. Склоняюсь к первому варианту – согражданам пока любить меня не за что.

С сожалением вспомнила о мотоцикле, если кто-то заметил, на чем я приехала, то с железным другом можно будет попрощаться. Женщины в завистливом гневе способны на многое.

Я быстро прошла в Обитель, удивляясь тому, что девушки не догадались метнуть в меня камень. Но как только я обнаружила, что явилась первой, то решила: все впереди. Вполне возможно, что к моменту появления пятнадцатой участницы завистницы насобирают снарядов.

Меня проводили в большой зал, где якобы проходили литературные приемы, а на самом деле пьянки с танцами, и ко мне тут же кинулись репортеры. В первую секунду я даже ослепла от вспышек камер.

– «Вести империи». Перед нами первая из девушек, прошедших в отбор. Скажите ваше имя!

– Рэяя Адальстан.

С тоской подумала о том, что Марисса меня теперь возненавидит.

– Канал «РИ-ТВ». Имена конкурсанток держались в секрете, поведайте, в какой день вас отобрали.

– В первый.

– Как символично: вас выбрали в первый день, и вы первая прибыли в Обитель!

– Возможно. – Я немного растерялась. Как таковой, вопрос задан не был, но какого-то ответа от меня, безусловно, ждали.

– Газета «Якушские обсервации». Почему вы приехали раньше? Хотели выделиться из толпы?

– Нет, я просто боялась опоздать.

Кто, ну вот кто придумывает названия этим газетенкам?

– Портал феминисток империи. Вы надели брюки. Значит ли это, что вы не собираетесь прогибаться под мужчин?

– Что?! О Вселенная! Я просто приехала на мотоцикле, и в юбке на нем ездить неудобно!

Отталкивая коллег, вперед протиснулся худой манерный мужчина с выбритыми висками и тонкими усиками. Оттолкнув от меня чужие микрофоны, сунул мне в лицо свой, чуть не выбив зубы, я еле успела отшатнуться.

– Специальный корреспондент канала «Страсть-ТВ». После того как проиграте, намерены ли вы участвовать еще в каких-либо телевизионных шоу? Мы можем предложить неплохие контракты...

– Когда проиграю? – растерялась я. – Позвольте, но конкурс еще даже не начался.

– Отвечайте на вопрос, – возмутился журналист, но его заслонили обиженные коллеги.

Мне успели задать еще с десятков вопросов, прежде чем в дверях появилась еще одна конкурсантка. Всех журналистов тут же как корова языком слизала – они умчались пытаться новоприбывшую, а я смогла перевести дух и рассмотреть соперницу.

Девушка была так красива, что захватывало дух: длинные рыжие волосы, ярко-зеленые глаза в обрамлении пушистых ресниц, аккуратный носик. Я никогда не считала себя уродливой или неказистой, но по сравнению с этой красавицей почувствовала неловкость. Она непринужденно отвечала на вопросы журналистов, ее экстремально короткое платье в блесках открывало бесконечно длинные ноги, которые с удовольствием фотографировали. Один репортер слишком усердно исполнял свою работу и даже прилег на пол, разумеется, только для того, чтобы получше запечатлеть всю красоту конкурсантки. Дабы умерить его пыл, пришлось вызвать охрану.

Понемногу прибывали остальные участницы. Одновременно в зал вошли обе девушки, отобранные в предпоследний день кастинга, – натуральная светло-русая блондинка и хамоватая, ярко накрашенная брюнетка. Незадолго до девяти часов в зал зашла девушка из Поганки, которую я заметила в первый день отбора. Оделась она скромно, но заметно было, что старалась принарядиться. К ней бросилась большая часть журналистов, обижая этим брюнетку и блондинку, которые своей порции внимания не получили.

Остальные девушки опоздали, кто – на пять, кто – на двадцать пять минут, и прибывали таким сплошным потоком, что я не успевала их толком рассмотреть. Но и по тому, что видела, заметила, что все участницы высокие (ниже ста семидесяти сантиметров не было ни одной) и в большинстве своем обладают очень выдающимися формами.

Когда, казалось, конкурсанток стало так много, что уже некого было ждать, в зал, стремительно распахнув двери, вошел кумир миллионов, красавец мужчина, да и просто харизматичный человек (нет, не принц) – ведущий множества телевизионных передач Яш Орчаковский. Все девушки буквально взвыли, а журналисты вновь защелкали затворами фотоаппаратов. Красавец брюнет, не снимая с лица обаятельной улыбки, подождал, пока наступит тишина, и только потом бархатным, хорошо поставленным голосом всех поприветствовал. Ему ответил нестройный хор женских голосов, от волнения напоминавших детские. Вынуждена заметить, что от двадцати с лишним дам я ушла недалеко – Яш был и моим кумиром. Лет эдак восемь назад и, разумеется, тайным. Моя мать в качестве кумира признавала только себя.

– Дорогие девушки! – глядя в камеры, но никак не на нас, нестройной линией замерших посреди зала, начал Яш. – Сегодня ваша жизнь изменится, как изменится и жизнь всей империи. Одна из вас станет императрицей и...

Дверь резко распахнулась, грохотом перебивая оратора и являя опоздавшую конкурсантку. Девушка абсолютно не выглядела смущенной, равнодушно кивнула опешившему от такой наглости Яшу и устремила к нам.

– Пойдите-ка. – Ведущий нахмурился. Только как-то очень показательно, не забывая при этом подмигивать в камеру. – Вы кто? Охрана доложила мне, что все невесты еще десять минут назад вошли в Обитель.

– Я Велания Олькутт. – По-моему, девушка была очень недовольна тем, что ее не узнали. Я даже присмотрелась к ней внимательнее, хотя уже знала, что вижу впервые. – В Обитель я вошла уже давно, просто посетила дамскую комнату.

– И провели там десять минут? – искренне удивился Яш. По его мнению, в такой ответственный момент последним местом, куда нужно было стремиться, являлся туалет.

– Я провела там гораздо больше времени, – высокомерно заявила Велания, не понимая, как глупо выглядит, препираясь с ведущим. – Кто же виноват, что организаторы не предусмотрели комнаты, где я могла бы переодеться.

На Велании действительно было великолепное изумрудное платье с таким длинным шлейфом, что конец его находился в пяти шагах от нее, как раз рядом с ведущим. Цвет платья изумительно подходил к белоснежным волосам девушки, и фасон наряда подчеркивал ее соблазнительные формы. Заметно было, что платье стоило баснословных денег, и, случайно бросив взгляд на девушку из Поганки, я заметила, как лицо ее омрачилось.

– Что ж, – Яш решил не обращать внимания на стервозное поведение конкурсантки, – по-видимому, кто-то забыл о том, что разговаривает перед камерами, но спишем это небольшое происшествие на нервозность всех участниц конкурса. Дорогие девушки, сейчас вас отвезут прямо во дворец, где вы и будете проживать все дни отбора. По прибытии вам расскажут правила, сроки, в общем, все, что интересует ваши прелестные головки. А сейчас все переговорные, записывающие устройства и оружие любого вида, кроме красоты и остроумия, придется сдать. Предупреждаю, добросовестность выполнения этого распоряжения будет проверять охрана, и скажу по секрету – они очень злобные дяденьки. Так что если вы забудете, например, о маленькой переговорной пластине, вас тут же исключат из отбора. Хочу заметить, что любая из вас, решившая избавиться от соперницы, подбросив ей запрещенный предмет, тоже отправится домой. – Ян шутливо погрозил пальчиком. – Знаю я ваши женские хитрости.

Пистолет и переговорные устройства я предусмотрительно с собой не брала, отлично понимая, что во дворец их пронести не получится, и обыска не боялась. Надо сказать, императорская охрана действовала быстро и очень профессионально – никаких тебе ощупываний и поглаживаний, известных всем девушкам, коих обыскивали сотрудники СИБ. После обыска нас проводили к лимузинам, стоящим у крыльца, и, уже спускаясь по ступеням, я заметила несколько валяющихся камней и раздавленные помидоры. Не буду утверждать, но мне кажется, зрительницы снаряды все-таки отыскивали.

Я оказалась в одном лимузине с рыжей красавицей. Хладнокровие ее оказалось напускным, и в салоне стало заметно, как сильно она волнуется.

– Привет, – улыбнулась я, желая ее подбодрить. – Меня зовут Рэйя.

Девушка немного помолчала, видно, решая, стоит ли отвечать.

– Мирана. – Поразмышляв, она даже руку мне протянула, которую я неуклюже пожала. – Ты что, совершенно не нервничаешь?

– Почему же? – уклончиво пожала я плечами. – У меня сердце как бешеное стучит и ноги дрожат.

На самом деле я лгала. Небольшой испуг был вначале, когда ко мне бросилась толпа журналистов с глупыми вопросами. Сейчас же, в тепле роскошного автомобиля, двигаясь во дворец, я совершенно не боялась отбора. Принц такой же мужчина, как и все, к тому же абсолютно мне безразличный. Поэтому неудаче в попытке стать императрицей я буду только рада. Гораздо больше меня нервировало секретное задание, порученное руководством, но о нем слишком рано было думать – ни с кем из предполагаемых заговорщиков я еще даже не встретилась.

– По тебе и не скажешь, – с легкой завистью вздохнула Мирана. – Я чуть в обморок в этом зале не рухнула, а ты стояла спокойно и всех рассматривала.

«Ты, по-видимому, тоже не так плохо себя чувствовала, как пытаешься показать, раз обращала на меня внимание», – мысленно усмехнулась я, но вслух сказала:

– Тебе удалось великолепно держаться, уверяю. Ни за что бы не решила, что ты взволнована – вела себя как настоящая императрица.

Мирана смущенно зарделась. Я же решила укрепить успешное знакомство и поинтересовалась, откуда она приехала.

– С Ваоля. Город Асса – вторая столица империи. А ты?

Планета Ваоль присоединилась к Ригарийской империи сто лет назад в результате военного конфликта, и до сих пор на ней периодически вспыхивали восстания. Брак с уроженкой бунтарской планеты был бы выгоден будущему императору.

Я с радушием развела руки:

– С Фрибрина, из этого города. Я дома. Так что, если не выйдет стать императрицей, вызову такси и поеду плакать в свою квартиру.

Мирана мило улыбнулась:

– Я надеюсь, тебе плакать не придется. Ты вовсе не такая строгая стерва, какой показалась мне на первый взгляд.

– Приятно слышать, – расхохоталась я.

Дорогу для кортежа невест, по-видимому, освободили, потому что к дворцу мы подъехали всего через четверть часа вместо ожидаемых мною двух часов сквозь пробки. Мирана во все глаза рассматривала главную столицу Ригарийской империи – Думар, которую видела впервые, а я делилась своими скромными познаниями о достопримечательностях, мелькавших мимо.

Глава 4

Я никогда не была во дворце. Для патрулирования мероприятий СИБ не приглашали – этим занималась личная императорская охрана, а повода там появиться у меня, естественно, не было. Иногда, в редкие минуты откровений, мать хвасталась одним из своих любовников, который был одним из приближенных императора и обеспечивал ей пропуск во дворец. Красота и роскошь, царившие там, и были одной из сонма причин, побуждавших ее настаивать на моем обучении, дабы однажды я вошла в белокаменные комнаты как хозяйка. Причем о свадьбе с императором она не говорила никогда. Шут знает, возможно, мать мечтала, что я когда-нибудь выкуплю дворец?!

Автопомощник остановил лимузин у дворцовых ворот, от которых через парк и к огромному белому зданию стелилась темно-красная ковровая дорожка. По обе стороны ковра узким коридором выстроились папарацци, охрана и обычные зрители, коим по случаю такого торжественного момента, как шествие невест, позволено было войти на территорию парка.

Наша машина подъехала третьей, и я заметила уже четырех девушек, с удовольствием позировавших перед фотокамерами. Сквозь прутья огораживающей решетки к ним протягивали руки, требуя рукопожатий и автографов, но отчего-то все они были направлены в пустоту.

Дверь автомобиля распахнул один из охранников, и Мирана выпорхнула первой. Толпа восторженно взревела, а я успела заметить на экране, летающем над дорожкой и транслирующем все происходящее, ослепительную улыбку девушки и ее сияющие глаза. Никакого волнения или же паники заметно не было, хотя в машине мою спутницу била явная дрожь.

– Прошу вас, – сказал охранник, протягивая руку, когда Мирана удалилась на несколько метров и ее успели рассмотреть. Настал мой черед дефилировать перед публикой.

Натренированная множеством концертов и выступлений, зрителей я не боялась, а удобные одежда и обувь не вызывали ненужного дискомфорта. Еще в зале было заметно, как некоторые девушки, впервые вставшие на высокие каблуки, шагают словно цапли, пытаясь удержать равновесие. Возможно, в сравнении с большинством невест я и выглядела ниже ростом, зато могла быть уверена в том, что не упаду в самый ответственный момент. Приветствовали меня так же горячо, как и других конкурсанток, но не успела я сделать и пары шагов по дорожке, как к моему локтю осторожно прикоснулся охранник.

– Извините, мисс Адальстан, вынужден вас предупредить: из рук зрителей ничего не берите, будь то даже бриллиантовое кольцо или же карандаш. Поклонников у вас пока нет, одни только завистники. Вполне возможно, что вам попытаются нанести разного рода увечья.

– Хорошо, спасибо. – Я торопливо закивала, и мою руку тут же отпустили.

После такого предупреждения стало понятно, почему другие девушки не давали автографов. И уже специально присматриваясь, наметанным взглядом сибовца замечала то миниатюрного размера электрошокеры, то зажатую между пальцами старомодную бритву. И где они отыскиали-то ее? А главное, почему ничего не предпринимает охрана? Мне отчего-то стало горько. Улыбаясь и поворачиваясь перед камерами, я размышляла о том, для чего нужен такой показательный выбор невесты. Наверное, предполагается, что за время отбора жители империи смогут полюбить будущую императрицу, ведь, наблюдая за развитием отношений потенциальных невест и принца на телеэкране, зрители непременно кому-то будут симпатизировать, а значит, выбор наследника во многом будет зависеть и от телевизионных рейтингов той или иной конкурсантки.

Двигаясь по красной дорожке, парковыми видами я насладиться не могла – весь обзор заслоняла толпа зрителей, поэтому шла вперед, взяв себе за ориентир дворец. Монументальное здание изгибалось буквой «П», и два длиннейших этажа оживлялись выступлениями с лепниной, колоннами и нишами с поселившимися в них причудливыми статуями. Девушки, закончив

свой путь сквозь толпу, останавливались на широком крыльце и ждали остальных конкурсанток (как нам пояснили, для общего фото). Следует заметить, что обгонять друг друга было нельзя, и так как первая девушка взяла неспешный ритм движения (из-за каблуков высотой минимум двадцать сантиметров), то и остальным приходилось идти очень медленно. Мы с Мираной подъехали одними из первых, и, честно сказать, на крыльце в застывшем ожидании затекли спина и щеки, последние из-за чересчур широкой улыбки. Гораздо легче было дефилировать по дорожке, но необходимо было уступить место и другим.

Спустя полтора часа ожидания показалась последняя из конкурсанток, и, клянусь, я услышала слаженный вздох облегчения. Спокойно и тепло улыбаясь, она шла по дорожке, кивая и принимая интересные позы для фотографий, как вдруг остановилась и повернулась к одному из зрителей, протягивающих руки для рукопожатия. Не знаю, как так получилось, возможно, ее в отличие от всех нас не предупредили, а может быть, девушка оказалась не такой уж и разумной, но она дотронулась до руки поклонника. Раздался громкий вскрик, конкурсантка упала на землю и забилась в конвульсиях. Зрители испуганно отшатнулись, началась давка. Злоумышленник попытался убежать, но его сразу же скрутила охрана и куда-то увела. Кто-то из невест заплакал, я и еще несколько девушек бросились на помощь, но охрана задержала нас еще на ступенях. Журналисты же беспрерывно фотографировали, обрадованные происшествием, и за неимением официальных лиц брали интервью у случайных очевидцев. Те из репортеров, которые стояли у ступеней, заснять происшествие не смогли, из-за чего донельзя расстроились. Я лично видела, как хрупкая девушка била микрофоном своего оператора и кричала, что он неправильно выбрал место для съемки.

Прекрасный парк с идеально зелеными, несмотря на раннюю весну, газонами окутался неприятным шумом, полным злорадства и какого-то жуткого наслаждения жестоким зрелищем.

К конкурсантке быстро подошел врач, осмотрел ее и вколол лекарство. Девушка очнулась, но выглядела ужасно: синие потрескавшиеся губы, бледное лицо и выступившие кровавые капилляры в белках глаз. Охрана помогла невесте добраться до крыльца, нас снова выстроили в линию, причем последнюю девушку придерживали с обеих сторон соперницы. Как и задумывалось, сделали групповое фото, и только тогда нам разрешили пройти в холл дворца.

Когда захлопнулась тяжелая дверь, отрезая нас от гама, царящего над парком, я почувствовала невообразимое облегчение. Боль тяжелыми тисками сдавила виски, и я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Злило все: и хихиканье некоторых из конкурсанток над пострадавшей, и равнодушие организаторов отбора – девушке даже стул не предложили, а меж тем она так ослабла, что с трудом держалась на ногах. Наплевав на презрительные взгляды, я подошла к своей так называемой сопернице и подхватила ее под руку, помогая выпрямиться. Она взглянула на меня с благодарностью и слабо улыбнулась.

В холле, рассматривая нас с идеально отрепетированным превосходством, стояла высокая женщина в строгом сером платье и гладко зачесанными назад волосами. Доктор, чуть ли не отталкивая невест, подошел к женщине и тихо заговорил, что-то быстро объясняя. Во взгляде женщины явно промелькнуло еще и раздражение.

– Приветствую вас, невесты принца Максимилиана. Меня зовут Кларисса, и я главная сваха нынешнего отбора. По всем вопросам, которые у вас имеются или которые возникнут впредь, вы должны будете обращаться ко мне.

Сваха обвела нас тяжелым взглядом, и у многих вопросы застыли на губах, так и оставшись невысказанными. У многих, но не у Велании Олькутт. До крайности самоуверенная в себе девушка шагнула вперед, привлекая внимание, и визгливо спросила:

– Где принц? Я вообще-то ожидала, что он нас встретит, но...

– Но встретила вас строгая старуха в чопорном платье, – спокойно перебила ее Кларисса. Насчет старухи она явно погорячилась – на вид ей было не больше пятидесяти лет. – Я пони-

маю, дорогая, твои грезы, что принц начнет отбор прямо в холле и, естественно, сразу же выберет тебя. Надеюсь только, что в твоих мечтах отбирал он будущую императрицу не по тому, какая она умелая в постели – шлюхи империи ни к чему.

От такой отповеди Велания покраснела, с яростью взирая на сваху, но сказать ничего не посмела.

– С твоего позволения я продолжу? – насмешливо уточнила Кларисса, и стушевавшаяся Олькутт опять промолчала. – В первую очередь мне хотелось бы сказать о правилах пребывания во дворце. В Центральном павильоне, равно как и в правом крыле, вы появляться не должны. На откуп вам и проходящим в рамках отбора испытаниям отдано левое крыло, принадлежащее принцу Максимилиану. – Заметив, как загорелись хищным пламенем глаза участниц, Кларисса усмехнулась. – Разумеется, на время отбора его высочеству выделены покои в правом крыле. В обычное время помещения, находящиеся там, принадлежат Виктору, но...

Я усмехнулась. Может так случиться, что после отбора регенту не выделят покоев ни в одном из крыльев дворца, так что переселение принца можно считать условным – скоро ему официально будет принадлежать вся империя.

Девушки издали единый разочарованный стон – Максимилиан поступил очень мудро, переселившись, иначе его покои оккупировали бы в первую ночь. Только вот возникали сложности с моим заданием – интересно, как подслушивать важные разговоры и ловить мимолетные взгляды, если я буду постоянно находиться в окружении одних только конкурсанток. Заверения Ингириха и Роила в том, что мне дозволено будет блуждать по дворцу в непосредственной близости от принца, рассыпались прахом, хотя и в самом начале не выглядели такими уж правдоподобными. Вся эта доверенная мне операция мало того что была не продумана, так еще и выглядела откровенно глупой. Не удивлюсь, если майор с подполковником придумали ее самостоятельно, желая заработать дополнительные нашивки на мундир.

– Гулять в парке вам дозволено с девяти утра до девяти часов вечера. Будете застигнуты под деревом в одну минуту десятого – без разговоров удаление из отбора. Исключение – личное разрешение принца либо же мое.

Я чуть не засмеялась, когда заметила, что некоторые из девушек пришли в полнейшее отчаяние, – уверена, их планы по вычислению окон Максимилиана и десантирование с ближайшего дерева прямо к нему в спальню, дабы повысить свои шансы на победу, только что рассыпались в прах.

– А если принц пригласит меня ночью в парк? – громко спросила девица с платиновыми волосами и пухлыми капризными губками. По дорожке она шла как раз за мной, и я слышала ее имя – Кароль Вилз. – Что тогда? Прощаться с ним без пяти минут девять?

Кларисса насмешливо закатила глаза, поражаясь чужой глупости:

– Девушка, позвольте дать вам совет: пореже открывайте рот, иначе свидания с принцем вам не видать. Я же только что сказала: личное разрешение принца аннулирует запрет на прогулки ночью в саду.

Кароль страдальчески сморщила гладкий, без единой морщинки лобик.

– Не поняла, – не обращая внимания на мудрый совет свахи, опять протянула она, хлопая ресницами. – А если меня пригласит на свидание принц, мне нужно у него спрашивать разрешение?

Кларисса устало отмахнулась от девушки и, предоставив Кароль самостоятельно справляться с нахлынувшими на нее рассуждениями, спросила:

– Телефоны сдали все?

Ответ был бы излишним – сваха знала, что нас обыскали.

– Разговаривать вы можете по дворцовому телефону. С кем угодно, но... – Кларисса выдержала долгую паузу, – строго ограниченное время. На всех девушек выделяется два часа телефонной связи в день. С этим временем вы вольны поступать как угодно – может потратить

и одна из вас за раз, а можете по-честному разделить на всех. По истечении условленных минут телефон просто-напросто выключается.

Раздались возмущенные крики – шутка ли сказать, всего два часа на двадцать шесть девушек, каждой из которых жизненно необходимо поделиться впечатлениями об отборе с родными и подругами. Я так вообще похолодела – неизвестно, как теперь поддерживать связь с майором и как узнать о продвижении расследования по Хопсвуду. У Ирека слишком много своих незакрытых дел, и, если обойтись без регулярных напоминаний, к моему он может отнестись с недопустимой халатностью.

Кларисса с затаенным злорадством осмотрела наши погрузневшие лица (что-то мне кажется, она та еще стерва) и продолжила:

– Каждой из вас выдадут карточку с определенной, могу сказать, немаленькой суммой, чтобы вы приобрели необходимую одежду, – это было как раз кстати, ведь сумки нам брать запретили. – Никаких указаний на этот счет не будет – вы вольны одеваться в соответствии со своим вкусом и... воспитанием. Еще несколько слов о процедуре отбора, и перейдем к неприятной части нашего с вами знакомства.

Неприятной? То есть до этого сплошь пряники раздавали?

– Конкурс продлится ровно до того момента, когда останется одна невеста или же... ни одной. Да-да, дорогие мои, такой вариант развития событий тоже может быть, если никому из вас не удастся заинтересовать принца настолько, чтобы он выбрал императрицу. – Мне это показалось маловероятным. Ведь тогда Максимилиан не сможет вступить на престол и придется созывать новый отбор. – Так как ваше пребывание здесь подразумевает состязание, у каждой будет возможность выделиться и показать ничтожность соперниц, что в принципе одно и то же. Разница только в моральном удовлетворении.

Кларисса показала зубы, таким образом демонстрируя, что пошутила. Мы все вежливо улыбнулись.

– А вот теперь, как я и обещала, неприятная часть. Девушка, которая упала на дорожке, выйдите вперед.

Несчастливая со страхом отпустила мою руку и с трудом подошла к свахе, шатаясь и спотыкаясь. Было заметно, как плохо невеста себя чувствует, но, похоже, это волновало только меня. Кларисса безо всякого сочувствия осмотрела девушку, недовольно поморщилась и приказала:

– Представьтесь.

– Питта Варс.

– Питта, вас предупредили, что опасно отвечать на рукопожатия зрителей?

– Я решила, что раз в руке ничего нет, это безопасно...

– Мне плевать, какие мысли пришли в вашу прелестную головку. Вас предупредили?

– Да, – Питта понуро опустила голову.

– Некоторые из таких условных доброжелателей надевают на руки перчатки, которые пропитывают ядом гренадских собак. И когда вы так безрассудно «подумали» (не делайте этого больше, правда), яд через кожу и поры попал в ваше тело, вызвав ужасное отравление. Доктор вколол противоядие, и вы не умрете, но из отбора, естественно, выбываете. Империи не нужна столь глупая императрица, не способная следовать советам охраны – она и до коронации не доживет. Насчет дальнейшей терапии обратитесь к врачу. Вы свободны, милочка.

Питта залилась горькими слезами и, уже не стесняясь своей слабости, упала на колени. Большая часть нашей уменьшившейся компании смотрела на нее с жалостью, но Велания и подобные ей не скрывали ликования.

Кларисса равнодушно отвернулась от Питы и обратилась к оставшимся девушкам:

– Злодей, который совершил преступление против государства, напав на невесту принца, будет допрошен. Независимо от исхода допроса будет проведено расследование, и если одна из вас замешана в том, что случилось, ей несдобровать.

– Это могла сделать только очень неуверенная в себе особа, – заявила Велания, красноречиво сверля взглядом девушку из Поганки. – Кто-то, у кого есть связи среди отбросов.

– Судя по твоей речи, такие связи здесь только у тебя, – фыркнула одна из девушек, с неприязнью взглянув на богатую выскочку.

– Ха! – Велания одним движением отбросила волосы за спину. – Будущей императрице такие грязные способы избавления от соперниц ни к чему.

– В таком случае в покушении точно виновата ты, – не уступила девушка.

Надо выяснить ее имя – она мне, вне сомнения, нравится.

– Невесты! – рявкнула Кларисса, мигом погасив начинающийся конфликт. – Вы же не в курятнике! Завтра вам предстоит знакомство с принцем, и спешу напомнить, что подходящих, да и каких-либо других нарядов нет ни у кого. Неужели время до девяти часов вы потратите на распри, а не на походы по магазинам?

Всем сравнение с курицами не понравилось, но, надо признать, данное Клариссой определение лучше всего выражало степень накала отношений между невестами. Сваха, посчитав, что вопрос исчерпан, развернулась и направилась вверх по увитой цветами лестнице, приглашая нас идти следом. Ступени были поистине огромны – на каждой умещалось восемь конкурсанток, правда, во избежание подлого тычка или подножки все старались держаться обособленно.

Нас провели в левое крыло дворца. Чтобы до него дойти, пришлось преодолеть множество проходных комнат Центрального павильона, но нам объяснили, что существует и отдельный вход, чтобы невестам не приходилось нарушать запреты при каждой прогулке в сад. В небольшой галерее, по обе стороны которой располагались двери в спальни, Кларисса остановилась.

– Это спальная галерея, в которой вы будете проживать во время отбора. На каждой из дверей спален есть табличка с именем невесты, которая будет в ней проживать. На тумбочке вы найдете банковскую карточку, которой будете расплачиваться, и телефон.

Не успели девушки оживиться, как Кларисса уточнила:

– По такому телефону вы сможете соединиться только с аппаратами внутри дворца. Например, с прислугой или же с шофером. Но вынуждена уточнить: без повода дворец покинуть не удастся – сегодня исключительный случай, но уже с завтрашнего дня для этого вам потребуется отдельное разрешение. Все понятно?

Мы вразнобой кивнули, некоторые вслух подтвердили, что вопросов нет, и сваха, удовлетворенно улыбнувшись, нас покинула.

Моя дверь оказалась третьей справа. Рядом были комнаты Велании и девушки по имени Кризан Арборах. Напротив моей спальни висела табличка с именем Питты Варс, но этой комнате предстояло оставаться пустой.

Предназначенная для меня спальня была очень уютной и комфортной. Двуспальная кровать под тонким, почти воздушным балдахином; большой, во всю стену, шкаф, тумбочка и туалетный столик с зеркалом. Справа у окна едва поместилось кресло. В интерьере в основном использовался голубой цвет, различные оттенки которого изумительно сочетались между собой.

Не тратя время, я взяла карточку, вызвала по телефону шофера и отправилась за покупками. Все девушки поступили точно так же и в большинстве своем выглядели вполне довольными жизнью. Кроме, пожалуй, Велании. Она шла рядом с симпатичной русоволосой девушкой с немного крупными чертами лица и громко жаловалась ей на организаторов отбора. Причиной ее возмущения стал тот факт, что невестам приходится суетиться, разыскивать за столь малое время подходящую одежду. Как оказалось, Велании хотелось, чтобы для нее пригласили гарнизон швей. Я, стараясь не засмеяться в голос, ускорила шаг и обогнала бесцер-

монную девицу, которая уже обзавелась прихлебательницей. Наверное, грустно быть человеком, настолько недовольным жизнью.

Для шопинга батальона невест на один день остановили работу крупного торгового центра, наводнили его охраной и досконально обыскали продавцов. Бедные кассиры, пробивая товары, опасались лишний раз моргнуть, настолько грозно выглядели мужчины, сопровождающие каждую невесту. Не обошлось и без перепалок. Две девушки (к сожалению, не успела выяснить их имен) сошлись врукопашную, пытаясь поделить понравившееся платье. До нанесения серьезных увечий не дошло – вовремя вмешалась охрана, но платье было безнадежно испорчено.

Во дворец я вернулась в половине девятого и, надо сказать, успела одной из первых. Шофер принес кучу пакетов в мою комнату, и ожидавшие меня служанки принялись споро разбирать покупки. В этот день ужин для меня принесли в спальню, предупредив, что с завтрашнего дня приемы пищи будут коллективными и в строго обозначенное время.

Каждое мое движение горничные сопровождали настороженными взглядами, будто бы подозревали меня в воровстве. Непонятно только, что я должна была украсть в первую очередь – кровать или туалетный столик, от шкафа-то они в настоящий момент не отходили. Не стоит и говорить, что аппетит у меня пропал, в такой-то атмосфере.

Я вышла в ванную, надела легкое бирюзовое платье и сандалии на плоской подошве и отправилась прогуляться. Горничные моему уходу искренне обрадовались. Похоже, мы обоим в присутствии друг друга чувствовали себя не очень уютно.

О предупреждении Клариссы не заходить в Центральный павильон и правое крыло я помнила и запрет нарушать не собиралась. Мне пришло в голову осмотреть открытую для прогулок территорию, ведь галерея спален невест была практически в начале огромной территории крыла.

Другие девушки, по-видимому, примеряли наряды, потому что, проходя по коридору, я периодически слышала восторженные вскрики. Галерея спален сменилась небольшим цветущим садом, который было удивительно видеть не только из-за времени года, но и из-за того, что здания я не покидала. На улице уже стемнело, сквозь стеклянную крышу свет не поступал, но небольшие светильники, скрытые в зарослях, и маленькие фонарики по границам аллеи создавали ощущение естественных сумерек. В изумлении я прикоснулась к розовым лепесткам иделльской гортензии, которую раньше видела только на картинках, но вдыхать ее аромат побоялась, зная, что иногда он может вызывать галлюцинации. По роду своей деятельности обо всех растениях, так или иначе вызывающих одурманивание сознания, я была наслышана. Слева, касаясь меня своими колючими розовыми ветвями, склонилась ангаррская пихта, взгляд притягивали рваные кусты пиколий, а плетенные из тонких прутьев кресла прямо-таки упрашивали присесть.

Я выбрала кресло, стоящее в зарослях межмирской брусники, кусты которой были даже выше меня. Ни одной птицы видно не было, но, если прислушаться, можно было различить их пение, равно как и шум ручья. Скорее всего где-то в стенах, умело сокрытая под выющимися растениями, располагалась аудиосистема. Меня настигло какое-то светлое чувство, схожее с истинным восторгом, которое всегда наступало, когда я играла на флейте либо же... В моем детстве, полностью контролируемом мамой, было еще кое-что, доставляющее мне невообразимое удовольствие.

Когда мне было десять лет, весь наш класс сбежал с последнего урока. Большая часть детей разбрелись по домам, единицы завернули в кафе проедать карманные деньги, мне же податься было некуда – мама не работала и нарушение дисциплины сразу бы засекла, а вместо денег мне выдавали вкусные (это не мое мнение) и питательные завтраки. Тогда один одноклассник предложил пойти с ним на тренировку. Разумеется, я согласилась.

Полутемное подвальное помещение с лежащими на полу матами меня немного напугало, а когда взгляд поймал существ мужского пола разного возраста, комплекции и даже вида, я и вовсе забились в истерику. С трудом успокоив, мне объяснили, что в этом подвале занимаются борьбой, и тренер вроде бы в шутку предложил попробовать. В этот день домой я пришла с синяками (хотя в пару со мной поставили семилетнего мальчика), но неожиданно даже для самой себя одухотворенная.

Гнетущее состояние и страх перед матерью не исчезли, но притупились, и я в кои-то веки почувствовала себя свободной.

На следующий день я опять пришла в тот подвал, теперь уже прогуливая курсы театрального мастерства. А потом еще и еще, попеременно пренебрегая теми занятиями, которые мама позволяла мне посещать без сопровождения. Удивительно, преподаватели на мои редкие, но систематические прогулы закрывали глаза, наверное, посчитав, что такая старательная и ответственная девочка без уважительной причины уроки бы не пропустила.

К четырнадцати годам я достигла довольно высокого уровня владения боевым самбо и межмирской борьбы, но ни в каких соревнованиях не участвовала, ограничиваясь ставшим уже родным подвальчиком. В глубине моей души всегда сидел страх, что мама узнает о моем увлечении. Если уж она флейту считала неинтеллигентной, то что она могла подумать о борьбе?

Раскрылось все абсолютно неожиданно. Я уже училась в колледже, но дополнительные уроки, естественно, посещала. Преподаватель по ораторскому искусству позвонил маме, предупредил, что урок отменяется. Родительница, занятая своими делами, мне передать эту информацию забыла, и именно в этот день я прогуляла уже отмененный урок и отправилась на борьбу. Удивленная мама выслушала мой рассказ о том, что я хорошо провела день, и нет, раньше не освободилась. Она молчала, но с этой минуты часы, оставшиеся до моего разоблачения, начали утекать. За мной проследили, обнаружили «этот жуткий разврат» и закатили скандал, который описывать нет никакого желания. Отстоять свое увлечение мне не хватило ни моральных сил, ни опыта манипулирования, поэтому на целый год мне пришлось забыть о любимом подвальчике и друзьях, оставшихся там. Зато, когда уж мне исполнилось восемнадцать лет, я сбежала из дома и обратилась за помощью к своему тренеру. Во многом благодаря ему Оррах и принял меня на службу, хотя не имел на это права. И полностью его заслугой является то, что я удержалась на довольно сложной службе в СИБ так долго. Борьба мне прижилась гораздо больше, чем скрипка.

Когда, помимо приятных звуков природы, послышался звонкий стук каблучков по плиточной дорожке, я подумала, что гортензию все-таки трогать не стоило, но на случай, если идущая ко мне девица реальна, затаилась. Поддерживать с кем-то бессмысленный разговор не хотелось. Сквозь густую листву брусники мне было видно, как девушка, одетая в обтягивающее белое, длиной до колена платье остановилась рядом с моим укрытием, сняла с себя туфли и, помедлив (по-видимому, огляделась, лицо от меня было скрыто), двинулась дальше.

Несколько секунд я сомневалась, стоит ли обращать на девушку внимание, ведь вполне может быть, что это горничная, возвращаясь в свою комнату, решила сойти с неудобных ходул, на которые по случайности поднялась, но чувство эйфории уже исчезло, а любопытство острой иглой жгло небезызвестное место, вынуждая встать.

Я осторожно выглянула из зарослей: девушка уже была в конце аллеи, хотя шла очень осторожно, беспрестанно поглядывая по сторонам. Такое поведение было более чем странно – вряд ли прислуге запрещено появляться в какой-то из открытых галерей дворца.

Большие стеклянные двери, ведущие из сада, девушка открыла с трудом, нечаянно задев стекло туфельками, которые держала в руке. Раздался звон. Негромкий, но девушка вздрогнула и оглянулась, так что я едва успела спрятаться. Лица ее разглядеть не удалось – приходилось довольствоваться знанием того, что преследуемая мной особа блондинка, а выдающаяся пятая точка и немаленький рост навевали мысли о том, что передо мной одна из невест принца.

Дверь и впрямь оказалась тяжелой. Я аккуратно проскользнула в небольшую щелку в тот момент, когда девушка уже пересекла следующую за садом картинную галерею. Помещение было почти не освещено – тусклые светильники на столах лишь создавали причудливые тени, но если девица вдруг обернется, то не заметит меня не сможет. Приходилось уповать на удачу, и она меня не оставила. Я двигалась, прижимаясь к стене, и старалась приноровиться к чужому шагу, чтобы не приблизиться слишком близко, но и не потерять цель из вида.

Удивительно, но девушка будто бы знала, куда идти, – все быстрее мы проходили через многочисленные коридоры, галереи и лестницы, не теряя времени на раздумья. Несколько раз девушка останавливалась у очередного коридора, прислушиваясь, пережидая патрули и проходящую по своим делам прислугу, и, естественно, такая скрытность возбуждала мое любопытство еще сильнее.

Я не сразу поняла, что мы вернулись к Центральному павильону. Немного изменилась отделка коридоров – левое крыло строилось позже всех остальных, и его стены в полной мере претерпели влияние новомодных дизайнерских тенденций. Об этом мне говорила мать, ей нравились классические мотивы в оформлении, и надругательство (именно это слово она применяла, хотя я в полосатых стенах ничего плохого не вижу) над важной частью дворцовых построек ее очень возмущало. Разумеется, в материнских мечтах присутствовал момент перестройки дворца, когда я стану его хозяйкой. И конечно же, происходило бы это под чутким маминым руководством.

В общем, факт нарушения запрета свахи мне был известен, но сомнений насчет правильности такого поступка не возникало – преследуемая мной девушка уверенно двигалась вверх по витой лестнице, замирая на пролетах и опасливо оглядываясь, и упустить ее я не имела права.

В последний раз девушка оглянулась в полутемном коридоре, находящемся почти под скатами крыши Центрального павильона, и не заметила меня по чистой случайности – как раз перед этим я слишком резко выглянула над перилами лестницы, ударила носом и инстинктивно пригнулась, потирая пострадавшую часть лица и проклиная и собственное любопытство, и задание руководства. Опять не удалось рассмотреть ее лицо, к тому же, пока я поднялась на этаж, девушка нырнула в одну из дверей.

Теперь прятаться не имело смысла – коридор был абсолютно пуст, и я медленно двинулась по нему, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытых дверей. Тихо, опять тихо, и вдруг... злой шепот:

– Ты зачем пришла?

Я припала ухом к двери. Если бы девица решила выйти, уверена, избежать падения, как морального, так и физического, мне бы не удалось.

Что ответили мужчине (а шепот был явно мужской), слышно не было, но хотя бы я слышала одного говорящего.

– Допрос неизбежен. Исполнитель это отлично понимал. Почему ты так волнуешься?!

О чем это они? Неужели о преступнике, задержанном сегодня на церемонии? Если бы была возможность, я бы еще глубже впечаталась в дверь, дабы выяснить подробности разговора, но увы.

– Все хорошо, твоя паника бес-по-лез-на. Думай о главном.

Главном? Что для этой парочки главное? Победа в отборе? Может быть, смерть принца? Или я зря приписываю им заговор, возможно, устранение конкурентки – единственное их злодеяние.

– Принца здесь нет! – Увлеченная догадками и репликами из-за двери, я не сразу поняла, что мужской голос не шепчет, а достаточно громко доносится... из-за моей спины. Резко обернувшись, я увидела мужчину, одетого в темно-зеленый мундир и раздраженно вззирающего на меня сверху вниз. Именно сверху вниз. Хотя с моим ростом я уже и забыла, когда это могла

позволить себе такую роскошь, как смотреть на чистокровного человеческого мужчину, задрав голову вверх. Лицо мужчины показалось мне странно знакомым, и пришлось даже встать на цыпочки, чтобы в тусклом свете настенных светильников рассмотреть его поближе. Темные глаза, нахмуренные брови, прямой нос, твердые губы, сжатые в упрямую полоску, и легкая седина на висках, удивительная оттого, что старым мужчина не выглядел... Вроде бы задерживать его не приходилось, и тут меня словно током ударило, даже ноги подкосились. Этого человека я видела каждый день – на плакатах, в выпусках новостей, даже на портрете в кабинете Орраха. Передо мной стоял регент Ригарийской империи Виктор Ригарин.

Я запоздало поклонилась, да так и застыла, боясь поднять глаза. Вопрос об изгнании меня с отбора, думаю, был решенным, но существовал еще риск того, что меня и в шпионаже обвинят.

– Добрый вечер, – пискнула я, судорожно выискивая достойные поводы появиться в Центральном павильоне. – Я не принца искала.

Регент смерил меня раздраженным взглядом, сложил руки на груди и ядовито уточнил:

– Я же правильно понимаю, что вы одна из невест Максимилиана?

Я медленно кивнула – в такой ситуации врать не имело смысла. Регенту ничего не помешает вызвать Клариссу, которая мигом раскроет мое и так крайне неустойчивое инкогнито.

– Что же вы в таком случае здесь искали, если не принца? – Виктор с интересом приподнял брови, а я вдруг подумала, что этот мужчина удивительно хорош, скользнула взглядом по его рукам, представила, как он меня обнимает, и тут же отругала себя за такие мысли.

– Я заблудилась. – Тон мой был решителен и серьезен, чтобы не допустить и тени сомнения в достаточно глупом утверждении. Вылететь из отбора я могла себе позволить, а вот сесть за то, что подслушивала кого-то из приближенных короля (а кто еще мог проживать в Центральном павильоне?), нет. К слову сказать, заговорщики затаились, по-видимому, расслышав достаточно громкий голос регента.

– Я, конечно, знаю, что в непосредственной близости от моего племянника многие женщины начинают страдать кренинизмом, но не думал, что топографическим, – издевался Виктор, а я вдруг разозлилась. Застал в неположном месте, так выгоняй из отбора, а унижать нечего! И, гордо подняв голову, заявила:

– Да, страдаем, и не только в непосредственной близости, а даже и при мысли о нем. Не завидуйте, ваше величество, уверена, у вас тоже в прошлом есть славные моменты, связанные с красивыми женщинами.

Регент пораженно на меня уставился, наверное, впервые в жизни не зная, что сказать. А я ждала. Ждала крика, обещаний смерти, фактического изгнания из отбора, но не задумчивого взгляда, не тихих слов:

– Вы считаете меня старым?

Я удивленно взглянула на регента. Стариком я его точно не считала – он был гораздо младше покойного императора и только-только достиг возраста тридцати пяти лет. Но повышать мужскую самооценку мстительно не собиралась, поэтому язвительно, с намеком на раздумья, произнесла:

– Ну что вы, старым не считаю. – И, не успев Виктор расслабиться, добавила: – Но, условно, принц гораздо привлекательнее вас.

– Похвально, что вы так преданы жениху, – усмехнулся мужчина. – Но вопрос был в другом, а привлекателен ли я в ваших глазах, меня совершенно не интересует. Статус, знаете ли, позволяет не обращать внимания на мнение сопливой девицы с амбициями императрицы.

– Тем не менее мнением сопливой девицы насчет вашей приближающейся старости вы поинтересовались, – ядовито заметила я.

Но регент нисколько не смутился.

– Мне было интересно, как далеко вы продвинетесь в жалких потугах меня задеть.

Я судорожно сжала зубы, не понимая, как это самоуверенное хамло могло показаться мне симпатичным, и зло заявила:

– По-видимому, не такие уж они были и жалкие, раз вы так разъярились.

Виктор вдруг расхохотался, а успокоившись, наклонился, чтобы лучше меня рассмотреть, и сказал:

– Это будет интересно, в самом деле...

Я, насупившись, смотрела на регента, не понимая, что он имеет в виду, но регент мне пояснил:

– Я имею в виду отбор. И ради того, чтобы увидеть, как мой племянник потерпит фиаско в перепалке с вами, я сейчас сделаю вид, что не знаю о запрете для невест покидать левое крыло.

Я онемела от неожиданности. Постояла молча, переваривая, и наконец, осознав слова Виктора, уточнила:

– То есть вы меня отпускаете?

– Отпускаю, – передразнил меня регент тоненьким голоском.

В свете его последних слов на такую явную издевку я не обратила внимания:

– И не скажете ничего Клариссе?

– И даже принцу ничего не скажу. – Регент устало потер переносицу. – А если уйдете прямо сейчас, не задавая более глупых вопросов, даже забуду, как вы выглядите. Хотя нет, это я сделаю в любом случае.

В восторге от того, что удалось избежать наказания, я убежала, едва вспомнив о том, что необходимо поклониться. Немного поплутала по коридорам, но в конце концов добралась до своей спальни, с удовольствием обнаружила, что горничные уже ушли, и легла спать.

Глава 5

Завтракали мы ровно в девять утра в главной столовой левого крыла. Проснулась я рано, впервые ощущая себя выспавшейся, ведь когда я работала, лечь раньше полуночи и встать позже пяти утра для меня было непозволительной роскошью.

Для первой встречи с принцем я выбрала гипюровое платье лавандового цвета значительно выше колен. Долго размышляла над прической и наконец, рассердившись на себя, оставила волосы распущенными. В конце концов, вряд ли принца возможно удивить вычурными буклями либо экстравагантной стрижкой – слишком много вокруг него трется девушек, так что способность изумляться у него давно атрофировалась.

В столовую я пришла без пятнадцати минут девять и, обнаружив, что она полна народа, в первый момент даже испугалась – решила, что спутала время. Но нет. Зал наводнили журналисты, расставляющие свою аппаратуру по местам, официанты, спешно накрывающие на стол, и охранники. Из невест пораньше прибыли только трое. Кризан Арборах, чья спальня находилась рядом с моей, – немного сутулая брюнетка с серыми глазами и приятным оттенком волос. Бровки домиком придавали ее лицу вечно удивленный вид. Ильфеина Вайес – хрупкая миловидная девушка, которой я не дала бы и шестнадцати лет, несмотря на ее высокий рост. И Вудтир Гвинон была блондинкой, к тому же настолько уверенно держалась перед камерами, да и вообще в подобном столпотворении людей, что зародила во мне подозрения насчет личности ночной путешественницы, которую я вчера преследовала.

После беглого и крайне неловкого знакомства Вудтир отделилась от нашей небольшой компании и отправилась к журналистам. Мы проводили ее озадаченными взглядами.

– Мне кажется, я ее где-то видела, – задумчиво проронила Ильфеина, перебирая пряди волос. У нее, я заметила, руки никогда не находились в покое, ежесекундно что-то трогая, перебирая, гладя, вертя.

– Неудивительно, – фыркнула Кризан. Она вообще оказалась очень говорливой и несколько шумной. – Она профессиональная модель, ее фото в нескольких мужских журналах прямо на обложке.

– Точно, – ахнула Ильфеина, занервничав еще больше. Вудтир тем временем командовала операторами, объясняя им, с какого ракурса ее лучше снимать во время завтрака. – Куда уж нам с ней тягаться.

Мы с Кризан удивленно воззрились на Ильфеину. Даже странно, как девушку с такой низкой самооценкой отобрали свахи.

– Я сдаваться не собираюсь, – непреклонно заявила Кризан. – Всем известно, что у моделей на лице густо, а в голове пусто, так что уж пусть попробует со мной потягаться. Ты чего молчишь? – она обратилась ко мне. – Тоже собралась уходить, не поборовшись?

– Я не ухожу, – попробовала вмешаться растерянная Ильфеина.

– Молчи, с тобой все уже понятно. – Кризан сделала знак рукой, будто выключила звук, и с насмешкой уставилась на меня: – Ну?

Ссориться не хотелось, но Кризан, к которой в первый момент знакомства я испытывала симпатию, начинала меня раздражать. И отношением к застенчивой Ильфеине, и стремлением утвердить свой авторитет.

– Не запрягла, не понукай, – наставительно изрекла я и сложила руки на груди.

Кризан приняла зеркальную позу:

– Придумываешь, что ответить?

– Мои мозги работают не как несмазанный мотор, так что размышляю я быстро. А если молчу, значит, не хочу разговаривать. И вполне возможно, что с тобой.

Кризан сощурилась, переваривая мой ответ:

– Ты хочешь завести здесь врагов?

– Заводят на стоянке автомобиль, а я на отбор пришла за мужем.

Ильфеина с восторгом взглянула на меня, но вмешиваться в перепалку не спешила.

– Бери первого попавшегося охранника и ступай замуж – как раз твой уровень, – с издевкой заявила Кризан.

Но я спокойно ответила:

– Если полюблю, возьму за руку и уйду, а ты с такими мужицкими наклонностями останешься одна.

– Тихо, – прошептала испуганная Ильфеина.

В столовую, держа в руках планшет и зорко осматривая комнату, вошла угрюмая Кларисса. Мы с Кризан тут же растянули губы в улыбках и, смерив друг друга злобными взглядами, разошлись в разные стороны.

Пока мы с Кризан препирались, в столовую пришли остальные невесты, запаздывали только Велания, которая, по-видимому, опять собиралась обеспечить себя порцией внимания, и Мирана.

За несколько минут до девяти часов на всех невест навешали микрофоны. Ровно в назначенный срок заявила Велания, раздосадованная тем, что столкнуться с принцем в дверях не удалось, и на пять минут задержалась моя рыжеволосая знакомая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.